

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ,

ТРАГЕДІЯ ВЪ СТИХАХЪ,

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Я. Б. КНЯЖНИНА.

ВЪ САНКТУТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ,
1793.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Рурикъ, князь Новгородскій.

Вадимъ, посадникъ и Полководецъ.

Рамида, дочь его.

Пренестъ }
Вигоръ } посадники.

Изведъ, наперсникъ Рурика.

Селена, наперсница Рамидина.

Воины.

Народъ.

Дѣйствіе въ Новгородѣ на площади.

Трагедія „Вадимъ“ имѣетъ теперь исключительно библиографическое значеніе, но въ свое время она надѣлала много шума и даже удостоилась преслѣдованія. Впрочемъ причина преслѣдованія была чисто внѣшняя: трагедія явилась въ печати въ 1793 году, т. е. въ самый разгаръ французской революціи, когда въ Россіи говорилось и писалось, что „Мирабоа не единой, но многіе висельницы достоинъ“, когда въ невинныхъ вещахъ видѣли какія-то „выласки“ и „французскій адъ“ или „предложеніи уничтожающіе законы и совершенно те, отъ которой Франція верхъ дномъ поставлена“, когда было „говорено о книгѣ Путешествіе отъ Петербурга до Москвы: тутъ разсѣяніе французской заразы: отвращеніе отъ начальства; авторъ Мартинистъ... онъ бунтовщикъ хуже Пугачева... хвалитъ Франклина“ *). Все это было высказано года за три до появленія Вадима, поэтому понятно, что съ подобной точки зрѣнія и Вадимъ могъ показаться набатомъ, какъ говоритъ митр. Евгеній въ своемъ словарѣ свѣтскихъ писателей. Въ настоящее время такіе ужасные взгляды неприложимы къ невинной трагедіи Княжнина, ибо вообще Вадимъ не только не заключаетъ ничего вреднаго, но даже восхваляетъ монархическій принципъ. Лица, запретившія пьесу, взглянули на нее крайне односторонне: они не хотѣли вникнуть въ ея идею, а остановились на двухъ, трехъ стихахъ, показавшихся имъ рѣзкими и „якобинскими“, забывая, что не могутъ же всѣ лица въ пьесѣ говорить одно и то же и что мниморѣзкія тирады ничего не значатъ при общемъ впечатлѣніи пьесы, представляющей Рюрика благодушнымъ властителемъ, снабженнымъ всеми возможными добродѣтелями и спасителемъ Новгорода отъ необузданностей свободы, междоусобій и самоуправствъ. Будь Вадимъ напечатанъ раньше пятью, шестью годами и онъ прошелъ бы, не возбудивъ осужденія, какъ это и было съ трагедіею Николаева: „Сорена и Замиръ“, въ которой между прочимъ есть стихи гораздо болѣе рѣзкіе, чѣмъ въ Вадимѣ, напр.:

Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
 Который заключенъ въ одной монаршей волѣ!
 Лъзя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ?
 Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца,
 Въ монархѣ не всегда находимъ мы отца! **)

) Записки Храповицкаго, въ чтеніяхъ общества исторіи и древностей Россійскихъ 1862 г., кн. III, стр. 226 — 227. П. Ш.

*) Сорена и Замиръ, стр. 292. Перепечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1860 г., № 4, стр. 639 и въ «Петербур. Листкѣ» 1865, № 146. Во всемъ «Ва-

Московский главнокомандующій гр. Брюсъ запретилъ представленіе этой трагедіи и донесъ о томъ императрицѣ Екатеринѣ, а она отвѣтила ему, что этого дѣлать не слѣдовало, ибо „авторъ возстаетъ противъ самовластиа тирановъ, а Екатерину вы называете матерью“, и велѣла кн. Данковой напечатать трагедію Николаева въ „Россійскомъ театръ“ (ч. V, стр. 235 — 323).

Но это было въ 1786 году.

Впрочемъ подобныя примѣры не рѣдкость: еще на нашей памяти не печатался до 1857 г. одинъ отрывокъ „Изъ новгородской повѣсти Вадимъ“, А. С. Пушкина *):

Вадимъ.

Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа:
Скажи, Рогдай, жива-ль славянская свобода?
Иль князя чуждаго покорные рабы
Рѣшились оправдать гоненіе судьбы?

Рогдай.

Вадимъ! надежда есть! народъ нетерпѣливый,
Стариной вольности питомецъ горделивый,
Досадуя, влечить позорный свой яремъ.
Какъ иноземный гость, невѣдомый нѣтъ,
Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчѣ;
Къ припельцамъ ненависть я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ.
Умные вездѣ: торговли шумъ утихъ,
Умы встревожены — и пламя тѣшетъ въ нихъ.
Младые граждане кипятъ и негодуютъ.
Вадимъ! они тебя съ надеждой именуютъ...

Вадимъ.

Безумные! давно-ль они въ глазахъ моихъ
Встрѣчали съ торжествомъ властителей чужихъ,
И вольныя главы подъ иго преклоняли?
Теперь зовутъ меня, а завтра, можетъ, вновь...
Невѣрна ихъ вражда, невѣрна ихъ любовь!...

Въ этихъ стихахъ рѣшительно нѣтъ ничего противу-ценсурнаго и теперь невольно дивнисься долговременному ихъ запрещенію.

Княжнинъ написалъ свою трагедію въ 1789 г. и вотъ что разсказываетъ о ней сынъ автора **):

Трагедія была отдана для представленія на театръ и уже были

димѣ» только и есть одно мѣсто въ 4 стиха, нѣсколько подходящее къ рѣзкости выписанныхъ стиховъ изъ «Сорены», но болѣе мягкое и ужъ никакъ не превосходящее ихъ, именно въ 4-мъ явленіи 2-го дѣйствія: «Самодержавіе повсюду» и пр. Эти 4 стиха были перепечатаны въ запискахъ С. Н. Глинки «Мое цензorstvo» (Современникъ, 1865, № 9, стр. 221). П. Е.

*) Соч. Пушкина, т. II, стр. 170, изд. Я. Цакова.

***) Еще о Княжнинѣ и его трагедіи Вадимъ. В. Я. Стоюнина. «Рус. Вѣстн.» 1860 г., № 10, стр. 103 — 108 (совр. лѣт.). П. Е.

розданы роли: Плавильщикова — Вадима, Шушерину — Рюрика, Барановой — Рамиды, но вскорѣ началась революція во Франціи и Княжнинъ самъ увидѣлъ, что пьеса его приходится не ко времени. Онъ взялъ ее назадъ и она пролежала у него въ кабинетѣ, на письменномъ столѣ, до самой его смерти. 14 января 1791 г. онъ умеръ. Имѣніе, по молодости дѣтей, поступило подъ опеку зятя Княжнина псковскаго помѣщика П. Я. Чихачева. Отыскавъ между рукописями покойнаго трагедію Вадимъ, комедіи: Чудаки, Трауръ, оперу Мужья-женихи своихъ женъ, поэму Попугай и пр., Чихачевъ все это продалъ книгопродавцу Глазунову за 200 р. Княгиня Дашкова, узнавъ объ этой покупкѣ, вытребовала рукописи отъ Глазунова, и разсмотрѣвъ ихъ, возвратила для представленія въ цензуру, но Вадимъ удержала у себя и немедленно передала въ академическую типографію... Отпечатанную трагедію*) она пустила въ продажу и въ то же время помѣстила ее въ 39-й части Россійскаго театра**). Въ первые десять дней трагедія раскупалась медленно, но потомъ въ два, три дня было продано нѣсколько сотъ экземпляровъ***), ибо узнали, что гр. И. П. Салтыковъ (конечно не самъ, но по чьему-то указанію) нашелъ въ ней что-то предосудительное и представилъ императрицѣ. Екатерина, встревоженная французской революціей, „обратила болѣе вниманія на выраженія Вадима и его двухъ сотоварищей, чѣмъ на слова разсудительнаго и благотворительнаго Рюрика“. Она приказала конфисковать трагедію, отобрать раскупленные экземпляры у кого окажутся, и все сжечь. Ал. Як. и Б. Як.,* два старшіе сына Я. В. Княжнина, служившіе сержантами въ измайловскомъ полку, были вытребованы генераль-прокуроромъ гр. А. Н. Самойловымъ, который по приказанію Екатерины долженъ былъ узнать отъ нихъ: дѣйствительно-ли Вадимъ писалъ ихъ отцомъ, а не кѣмъ-нибудь другимъ, только выдавшимъ трагедію подъ именемъ покойнаго? Удостоверившись, что трагедію написалъ Княжнинъ, Самойловъ спросилъ: не читалъ ли онъ эту „богоотступную“ пьесу кому-нибудь? Дѣти Княжнина указали на

*) Вадимъ Новгородскій, трагедія въ стихахъ въ пяти дѣйствіяхъ; сочинена Як. Княжнинымъ. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1793 года. Въ 8 д. л., 73 стр. П. Я.

***) Россійскій театр или полное собраніе всѣхъ русскіихъ театральныхъ сочиненій. Часть XXXIX. Въ Санктпетербургѣ, при импер. акад. наукъ, 1793 года, 286 стр. (Вадимъ занимаетъ стр. 123 — 195). П. Я.

****) Этимъ можно объяснить, почему печатные экземпляры «Вадима», хотя и очень рѣдко, но все таки встрѣчаются въ продажѣ. Принадлежащій мнѣ экземпляръ изданія 1793 года, съ котораго печатается нынѣшнее, купленъ мною не болѣе 5 лѣтъ тому назадъ, а въ прошедшемъ году продавался еще одинъ экземпляръ. П. Я.

Н. О. Эмина и В. В. Ханькова и были тотчас отпущены. Эминъ и Ханьковъ были допрошены, а потомъ взяты подъ стражу книгопродавецъ Глазуновъ и вытребованы изъ деревни Чихачевъ, для объясненій. Они оказались совершенно неповинными и немедленно отпущены.

Княгиня Дашкова рассказываетъ исторію напечатанія Вадима нѣсколько иначе и намъ кажется — вопреки установившемуся мнѣнію — что рассказъ ея имѣетъ менѣе вѣроятія. Она скорѣе оправдывается, нежели излагаетъ дѣло. Недаромъ, видно, Б. Я. Княжнинъ замѣтилъ, что, печатая Вадима, „княгиня Дашкова была чѣмъ-то недовольна государыней, которая не всегда находила для себя удобнымъ исполнять ея требованія“ *). Княгиня видимо увертывается, группируетъ факты по своему усмотрѣнію, освѣщая одни и преднамѣренно затеняя другіе, какъ это встрѣчается во многихъ мѣстахъ мемуаровъ этого „семинариста въ желтой шали и академика въ чепцѣ“.

Вотъ что рассказываетъ княгиня:

„Вдова одного изъ нашихъ знаменитыхъ трагиковъ (Княжнина) просила меня напечатать, въ пользу ея дѣтей, послѣднюю трагедію мужа, еще не изданную въ свѣтъ **). — Эта просьба была представлена мнѣ однимъ изъ совѣтниковъ академической канцеляріи (Козодавлевымъ); я сказала ему, что съ моей стороны не будетъ никакого препятствія, если онъ просмотритъ пьесу и поручится мнѣ, что въ ней нѣтъ ничего противнаго нашимъ законамъ или религіи; — и тѣмъ охотнѣе я поручила ему эту рецензію, что онъ былъ совершенный знатокъ отечественнаго языка и очень строгій судья въ ценсурномъ отношеніи.

„Козодавлевъ доложилъ мнѣ, что трагедія основана на историческомъ событіи, происходившемъ въ Новгородѣ, что въ ней нѣтъ ничего предосудительнаго ни по мыслямъ, ни по языку, и что развязкой пьесы служить торжество монарха надъ покореннымъ Новгородомъ и бунтомъ.

„На основаніи этого доклада я приказала напечатать трагедію (Вадимъ), сколь возможно больше облегчивъ расходы бѣдной вдовы. Нельзя не изумляться, какимъ образомъ эта ничтожная вещь могла поднять такую нелѣпую суматоху при дворѣ.

„Графъ Иванъ Салтыковъ, цѣлую жизнь не читавшій ни одной книги, по наслышкѣ отъ кого-нибудь утверждалъ, что трагедія, будто-

*) «Русскій Вѣст.» 1860 г., № 10, стр. 105.

П. Ш.

**) Кн. Дашкова ошибочно относитъ это событіе къ 1796 г., замѣчая, что оно случилось черезъ полтора года послѣ увольненія отъ службы ея брата въ 1794 году. Вадимъ изданъ въ 1793 году.

П. Ш.

бы прочитанная имъ, очень опаснаго содержанія для настоящаго времени, и подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія побѣждалъ къ фавориту, чтобъ сообщить ему свое мнѣніе. Не знаю, читала-ли ее Екатерина или Зубовъ *); но вскорѣ послѣ того явился ко мнѣ полиціймейстеръ и очень вѣжливо попросилъ позволенія войти въ книжные магазины, принадлежавшіе академіи и, согласно съ приказаніемъ императрицы, отобрать всѣ экземпляры трагедіи, признанной по мнѣнію Екатерины за очень опасное сочиненіе.

„Я допустила его, замѣтивъ при томъ, что едва-ли онъ найдетъ хоть одинъ оттисекъ; но такъ какъ эта пьеса помѣщена въ послѣднемъ томѣ „Россійскаго Театра“, издаваемаго въ пользу самой академіи, то, если угодно, онъ можетъ вырвать ее изъ книги **); затѣмъ я прибавила, что очень смѣшно считать опаснымъ это несчастное произведеніе, которое на самомъ дѣлѣ гораздо менѣе враждебно монархической власти, чѣмъ многія французскія трагедіи, представляемыя въ Эрмитажѣ..

„Послѣ обѣда Самойловъ, генераль-прокуроръ сената, пришелъ ко мнѣ съ выговоромъ отъ императрицы за напечатаніе этого сочиненія. Чего хотѣли—оскорбить или испугать меня этой ценсурой,— я не знаю; но преслѣдователи мои не успѣли ни въ томъ, ни въ другомъ. Я отвѣчала гр. Самойлову очень холодно и твердо, выразивъ удивленіе, на какомъ основаніи императрица могла заподозрить меня въ желаніи распространять что-нибудь враждебное ея интересамъ; и когда онъ сообщилъ мнѣ намекъ Екатерины на произведеніе Радищева, съ которымъ она сравнила „опасную“ трагедію Княжнина, я повторила, что лучше сравнили-бы ихъ, особенно послѣднюю пьесу, возбуждавшую съ ихъ стороны столько мести, съ ходячими французскими драмами, представляемыми какъ на общественныхъ, такъ и

*) Отъ императрицы княгиня получила, между прочимъ, записку такого содержанія: «Недавно появилась русская трагедія «Вадимъ Новгородскій», которая, судя по заглавному листу, напечатана въ академической типографіи. Говорятъ, эта книга очень ѣдко нападаетъ на авторитетъ верховной власти. Вы хорошо сдѣлаете, если остановите продажу, пока я ее посмотрю. Доброй ночи. А вы читали ее?» (Ст. Иловайскаго въ От. Зап. 1859 г., № 11, стр. 306).

П. Е.

***) Полицейскіе такъ и сдѣлали: они вырвали цѣликомъ 6 листовъ, не замѣтивъ, что при этомъ зацѣпили съ поллиста предыдущей и столько же слѣдующей за Вадимомъ пьесы. Два экземпляра полной 39 части находятся у С. Д. Полторацкаго и въ Эрмитажной бібліотекѣ, а жалкіе остатки этой книги въ продажу пушены только въ 1857 году. — Г. Иловайскій говоритъ, что одинъ иностранецъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ, будто произведены были обыски въ частныхъ домахъ и отобраны раскупленные экземпляры отдѣльныхъ оттисковъ Вадима (От. Зап. стр. 306).

П. Ш.

на частных театрахъ. Относительно либеральнаго ея направленія я просила принять во вниманіе, что она предварительно была отдана на просмотръ одному изъ академическихъ совѣтниковъ, прежде чѣмъ Княжнинной было позволено печатать ее въ свою пользу; поэтому я надѣюсь, что мнѣ не будутъ больше говорить объ этомъ.

„Въ тотъ же вечеръ я не замедлила навѣстить Екатерину. Когда я вошла въ комнату, на лицѣ ея, видимо, выражалось неудовольствіе. Я подошла къ ней и спросила о здоровьи. „Все хорошо, отвѣчала она; но скажите пожалуйста, что я вамъ сдѣлала, что вы распространяете противъ меня и моей власти такіа опасныя правила?“

— Неужели вы считаете меня способной на это? воскликнула я.

— Знаете-ли, что я думаю объ этой трагедіи: ее надобно сжечь рукой палача.

„Это выраженіе было вовсе не въ характерѣ Екатерины, и потому я съ удовольствіемъ примѣтила, что она говорила языкомъ другаго лица, руководившаго мнѣніемъ ея.

— Государыня, возразила я; если она будетъ сожжена палачемъ, то не мнѣ придется краснѣть за это. Ну, ради Бога, прежде чѣмъ вы рѣшитесь на поступокъ, столько несообразный съ вашимъ характеромъ, позвольте мнѣ прочесть вамъ эту гонимую драму; вы увидите, что развязка ея именно въ томъ духѣ, въ какомъ вы и всякій приверженецъ вашей власти желалъ бы ее. Въ тоже время прошу васъ вспомнить, что заступаясь за пьесу, я не авторъ и не заинтересованный издатель ея.

„Дальше возражать было нечего и потому разговоръ кончился. Затѣмъ императрица сѣла за картонный столъ и я послѣдовала ея примѣру.

„На другое утро я пришла съ официальнымъ рапортомъ къ государынѣ и напередъ рѣшилась доложить за-урядъ съ другими и потомъ просить уволить меня отъ должности, если она не приметъ меня съ обычнымъ довѣріемъ, не допуститъ въ свою туалетную „бриллиантовую“ комнату и не станетъ говорить со мной по прежнему за-просто.

„Въ приемной встрѣтилъ меня Самойловъ, только что вышедшій изъ кабинета государыни; онъ шопотомъ замѣтилъ мнѣ вести себя хладнобровно, ибо императрица покажется скоро; „кажется она насколько не гнѣвается на васъ“, прибавилъ онъ.

„Я отвѣчала обыкновеннымъ тономъ голоса, такъ чтобы слышали всѣ окружающіе: „Милостивый государь, я не имѣю особеннаго повода беспокоиться, потому что мнѣ не за что упрекать ни себя, ни другихъ; что же касается государыни, мнѣ остается жалѣть, если она сердится или по-

досрѣваетъ меня. Впрочемъ я такъ привыкла къ несправедливости, что какъ бы она ни была велика, меня трудно удивить“.

„Вскорѣ за тѣмъ вышла императрица и, давъ поцаловать руку своимъ утреннимъ посѣтителемъ, обратилась ко мнѣ и съ обычной лаской сказала: „Очень рада васъ видѣть, княгиня! Пожалуйста идите за мной“.

„Надѣюсь, что читатели этихъ записокъ повѣрятъ мнѣ и не упрекнутъ меня въ тщеславіи, если я скажу, что это ласковое приглашеніе было пріятно мнѣ не столько за себя, сколько за императрицу, потому что мнѣ было бы больно въ противномъ случаѣ оставить академію и Петербургъ, что отнюдь не отнеслось бы къ чести Екатерины.“

„Довольная тѣмъ, что ценсурная бездѣлица не разлучила меня съ государыней, я едва вошла въ слѣдующую комнату, какъ съ жаромъ протянувъ руку просила Екатерину дать мнѣ поцаловать свою и забыть прошлое.“

— Но согласитесь, княгиня...

— Да, да, государыня, продолжала я, перервавъ ея рѣчь и повторивъ русскую пословицу: „сѣрая кошка пробѣжала между нами; не зовите ее черной“.

„Императрица согласилась, что дѣло не стоило особеннаго вниманія и, засмѣявшись, обратила разговоръ на другой предметъ. Я осталась обѣдать при дворѣ и замѣтила, что на ея душѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда гнѣва. Обѣдъ шелъ очень весело; находясь въ особенномъ припадкѣ юмора я, повидимому, заразила имъ и Екатерину; она отъ всего сердца хохотала при всякой ничтожной шуткѣ, которыя я расточала съ рѣдкой веселостью“.

Послѣ приведенныхъ разсказовъ сына Княжнина и Дашковой, непонятно, какимъ образомъ могли составитья два преданія: 1) будто княгиня за напечатаніе трагедіи лишилась мѣста президента академіи, тогда какъ она удалилась изъ Петербурга черезъ два года послѣ этого событія, и 2) будто Княжнинъ подвергся допросамъ Шешковскаго, вслѣдствіе чего впалъ въ жестокую болѣзнь и умеръ*). О послѣднемъ обстоятельстве упоминаетъ Вантышъ-Каменскій въ своемъ „словарѣ достопамятныхъ людей русской земли“, а знаменитый поэтъ нашъ А. С. Пушкинъ, въ своихъ историческихъ отрывкахъ, еще опредѣлительнѣе замѣчаетъ, что „Княжнинъ умеръ подъ розгами“. Откуда явилось такое сказаніе—рѣшить трудно, ибо Княжнинъ, какъ сказано, умеръ 14 января 1791 г., а трагедія напечатана только въ 1793 г. и при жизни автора объ ней разговоровъ не было.

*) Это извѣстіе о смерти Княжнина недавно повторено въ безграмотномъ изданіи г. Шигина: «Радищевъ и его книга» (Спб. 1868). П. Е.

Добавимъ еще, что трагедія Княжнина собственно запрещена не была и изъятіе ея изъ продажи дѣлалось весьма секретно. Генераль-прокуроръ гр. Самойловъ, сообщая московскому главнокомандующему кн. Прозоровскому о допросѣ поѣзжавшаго тогда въ Москву книгопродавца Глазунова и объ отобраніи у него непроданныхъ экземпляровъ „Вадима“, прибавлялъ: „Благоволите, ваше сіятельство исполнить все оное съ осторожностію и безъ огласки по данной вамъ власти, не вмѣшивая высочайшаго повелѣнія“.

Такъ именно и сдѣлано было кн. Прозоровскимъ, который даже не отобралъ сочиненій Княжнина, о чемъ ему было тоже писано, „если въ нихъ окажутся, подобно (Вадиму), нелѣпныя изрѣченія“, или „если и безъ таковыхъ изрѣченій покажутся сумнительныя“. Гр. Самойловъ писалъ, что Глазуновъ повезъ въ Москву 400 экз. „Вадима“, но отобрано ихъ было только 160 и только изъ книжныхъ лавокъ, отъ публики-же книга не отбиралась, ибо „продавалась по публикациямъ въ газетахъ и кто именно купилъ неизвѣстно“.

Самое дѣло объ изъятіи книги производилось до того медленно, что успѣла даже появиться рецензія на „Вадима“, которая не была пріостановлена, несмотря на преслѣдованіе самой трагедіи. Рецензія эта принадлежитъ А. Клушину и напечатана въ журналѣ „С.-Петербургскій Меркурій“ 1793 г. (ч. III, стр. 124—144, авг.), издававшемся Клушинымъ вмѣстѣ съ И. А. Крыловымъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе въ русской литературѣ упоминалось о Вадимѣ довольно часто. Наиболѣе замѣчательныя статьи были помѣщены въ „Отеч. Запискахъ“ и „Русскомъ Вѣстникѣ“:

1) Екатерина Романовна Дашкова. Біографическій очеркъ. 4 статьи Д. Иловайскаго (От. Зап. 1859, № 9—12). О Вадимѣ подробно говорится въ 3-й статьѣ (№ 1, стр. 305—308).

2) Литературные труды кн. Е. Р. Дашковой. Статья А. Н. Аванасьева (От. Зап. 1860, № 3).

3) Яковъ Борисовичъ Княжнинъ и трагедія его Вадимъ. Статья М. Н. Лонгинова (Рус. Вѣстн. 1860, № 4, стр. 631—650).

4) Еще о Княжнинѣ и его трагедіи Вадимъ. Статья В. Я. Стоюнина (Р. Вѣстн. 1860, № 10, стр. 103—108).

5) О Княжнинѣ, также и о его трагедіи см. въ Исторіи русской словесности древней и новой А. Д. Галахова (Спб. 1863 г., т. I, стр. 445—455).

6) Изъ розыскаго дѣла о трагедіи Княжнина Вадимъ (Русскій Архивъ 1863 г., № 5—6, стр. 467—473).

7) Записки С. Н. Глинки. Въ „Современникѣ“ 1865, № 9, стр. 221.

II. Ефремовъ.

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ,

трагедія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(ночь)

ПРЕНЕСТЬ И ВИГОРЬ.

Вигорь.

Уже Вадимъ, свершивъ со славою войну,
Приходить наконецъ въ отеческу страну;
Но свой возвратъ почто отъ всѣхъ гражданъ скрываетъ
И только лишь двоихъ зрѣть насъ удостоеть?
Почто назначилъ онъ свиданья съ нами часъ,
Доволь не освѣтитъ лучъ солнца нашихъ глазъ,
На самой площади, намъ прежде столь священной,
Новгородской гдѣ народъ, свободой возвышенной,
Подвластенъ только бить законамъ и богамъ,
Уставы подавалъ полнощнымъ всѣмъ странамъ.

Пренестъ.

Самодержавна власть все нынѣ пожираетъ
И Рурикъ многихъ здѣсь вѣковъ плоды собираетъ:
Вотъ, мыслю, скрытности Вадимовой вина.
Противна для него отеческа страна,
Гдѣ, уклоняся предъ смертнымъ на престолѣ,
Увидитъ онъ себя въ одной съ рабами долѣ.
Се онъ! и въ слѣдъ за нимъ тѣхъ ратниковъ толпы,
Которыхъ славы въ путь вели его стопы.

ЯВЛЕНИЕ II.

ВАДИМЪ (за нимъ нѣсколько военачальниковъ, бывшихъ съ нимъ на войнѣ),
ПРЕНЕСТЬ и **ВИГОРЬ**.

Вадимъ.

Я васъ-ли зрю, Вигоръ, Пренестъ, великодушны!

Пренестъ.

Мы, повелѣнїямъ твоимъ всегда послушны,
Для насъ священный твой исполнили приказъ.

Вадимъ.

Друзья, въ отечествѣ-ль моемъ я вижу васъ?...
Уже заря верьхи тѣхъ башенъ освѣщаетъ,
Которыя Новградъ до облакъ возвышаетъ:
Се зримъ Перуновъ храмъ, гдѣ громъ его молчитъ—
Въ недѣйствїи Перунъ, злодѣйства видя, спитъ!
И се, тѣ славные, священные чертоги,
Вельможи наши гдѣ—велики, будто боги,
Но ровны завсегда и мѣньшимъ изъ гражданъ,
Ограды твердыя свободы здѣшнихъ странъ,
Народа именемъ, который почитали,
Трепещущимъ царямъ законы подавали.
О, Новградъ! что ты былъ и что ты сталъ теперь?

(Обращаяся ко всемъ)

Героевъ сонмъ! его величье ты измѣрь,
А я, отъ горести, его въ оковахъ видя,
Безсиленъ то свершить, я жизни ненавижда...
Вы содрогаетесь?... И какъ не трепетать,
Когда изъ рабства безднъ осмѣлимся взирать
На прежню высоту отечества любезна!
Вся сила Сѣвера, предъ онымъ бесполезна,
Его могущество, незнающе враговъ,
Равняла въ ужасъ съ могуществомъ боговъ.
А днесъ сей пышный градъ, сей Сѣвера владыка—
Могли-ли ожидать позора мы толка! —
Сей гордый исполинъ, владыки самъ у ногъ
Поверженъ, то забылъ, что прежде онъ возмогъ!
Забылъ?... Но какъ забыть? Что взоръ ни поражаетъ,
Все славу падшую его изображаетъ!

Возрѣмъ-ли на поля—еще звучитъ тамъ громъ,
 Которымъ Готѣ сраженъ, дерзнувъ намъ быть врагомъ;
 Иль очи обратимъ на внутренности града,
 Рѣками гдѣ текла съ свободою отрада,
 Повсюду тѣ стези, гдѣ гордые цари
 Покорство намъ несли, по тщетной съ нами при.
 Вотъ мѣсто самое, тѣхъ почестей свидѣтель,
 Когда здѣсь нашъ народъ, владыкамъ благодѣтель,
 Гонимаго царя Варягъ пріавъ подъ кровъ,
 Заставилъ въ трепетѣ молчать его враговъ.
 Граждане! вспомните то славою полно время;
 Но вспомните—дабы низвергнуть гнусно бремя!...
 О стыдъ! Сей царь, тогда покоренъ, удрученъ,
 Съ моленіемъ представъ, въ срединѣ нашихъ стѣнъ
 Свое чело на прахъ предъ нами уклоняетъ;
 А днесь—о грозный рокъ!—онъ нами обладаетъ...
 Сей Рурикъ!... Не могу я болѣ продолжать;
 Но ваше чувство вамъ то можетъ докончатъ,
 Чего въ отчаяньи свершить мой гласъ не можетъ.

Вигоръ.

И наше сердце грусть твоей подобна гложетъ.
 Отечество мы зря низверженно въ напасть,
 Въ отчаяньи его оплакиваемъ часть.

Вадимъ.

Оплакиваете?... О страшныя премѣны!
 Оплакиваете?... Но кто-же вы?... Иль жены?
 Иль Рурикъ столько могъ вашъ духъ преобразить,
 Что вы лишь плачете, когда вашъ долгъ—разить?

Пренестъ.

Мы алчемъ въ слѣдъ тебѣ на вѣкъ себя прославить,
 Разрушить гордый тронъ, отечество возставить;
 Но хотъ усердіе въ сердцахъ у насъ горитъ,
 Однако способовъ еще къ тому не зрѣть.
 Пренебрегая дни и гнусны и суровы,
 Коль должно умереть—мы умереть готовы;
 Но чтобы наша смерть не тщетная—отъ зла
 Спасти отечество любезное могла,
 И чтобы узы рвать стремяся мы въ неволѣ,

Не отягчили-бы сихъ узъ еще и болѣ.
 Познаешь самъ, Вадингъ, сколь трудно рупить тронъ,
 Который Рурикъ здѣсь воздвигнулъ безъ препонъ,
 Прошеньемъ призванный отъ цѣлаго народа;
 Увѣдаешь, какъ имъ отъятая свобода
 Прелестной властію его замѣнена;
 Узнаешь, какъ его держава почтена,
 И истинныхъ сыновъ отечества сколь мало,
 Которы, чувствуя гнѣву рабства жало,
 Стыдились-бъ того, что въ свѣтѣ смертный есть,
 Въ рукахъ котораго ихъ вольность, жизнь и честь.
 Коварствомъ Рурика граждански слабы силы;
 А воинствомъ Варягъ наполненъ градъ унылый.
 Намъ должно помощи безсмертныхъ ожидать,
 И боги случай намъ удобный могутъ дать.

Вадингъ.

Такъ должно на боговъ намъ только полагаться
 И въ стадѣ человѣкъ безъ славы пресмыкаться?
 Но боги дали намъ свободу возвратить:
 И сердце—чтобъ дерзать, и руки—чтобъ разить!
 Ихъ помощь въ насъ самихъ! Какой еще хотите?
 Ступайте, ползайте, ихъ грома тщетно ждите;
 А я, одинъ за васъ во гнѣвѣ здѣсь кипя,
 Подвигнусь умереть, владыки не терпя!
 О рокъ! Отечества три лѣта отлученный,
 За славою его побѣдой увлеченный,
 Оставя вольность я, блаженство въ сихъ стѣнахъ,
 На насъ воздвигшихся свергаю гордость въ прахъ;
 Я подвиговъ моихъ плоды несу народу;
 Что-жъ вижу здѣсь? Вельможъ, утратившихъ свободу,
 Во подлой робости согбенныхъ предъ царемъ
 И лобызавшихъ подъ скиптромъ свой яремъ.
 Скажите: какъ вы, зря отечества паденье,
 Могли минути жизнь продлить на посрамленье?
 И если не могли свободы сохранить —
 Какъ можно свѣтъ терпѣть и какъ желать вамъ жить?

Вигоръ.

Какъ прежде, мы горимъ къ отечеству любовью...

Вадимъ.

Не словомъ доказать то должно-бъ вашей кровью!
Священно слово толь изъ вашихъ бросьте словъ.
Или отечество быть можетъ у рабовъ?

Вигоръ.

Имѣя праведно духъ грустью огорченный,
Напрасно, противъ насъ ты гнѣвомъ омраченный,
Тягчишь невиннѣйшихъ толь лютою виной.
Едва предъ войскомъ ты разстался съ сей страной,
Вельможи многіе, къ злодѣйству вида средство
И только сильныя отечества на бѣдство,
Гордыню, зависть, злость, мятежъ ввели во градъ.
Жилище тишины преобразилось въ адъ;
Святая истина отселѣ удалилась;
Свобода, встрепетавъ, къ паденью наклонилась;
Междоусобіе со дерзостнымъ челомъ
На трупахъ согражданъ воздвигло смерти домъ.
Стремяся весь народъ быть пищей алчныхъ врановъ,
Сражался въ бѣшенствѣ за выборы тирановъ.
Весь Волховъ кровію дымящейся кипѣлъ.
Плачевный Новградъ! ты спасенія не зрѣлъ!
Почтенный Гостомыслъ, украшенъ сѣдинами,
Лишился всѣхъ сыновъ подъ здѣшними стѣнами,
И плача не о нихъ — о бѣдствѣ согражданъ,
Единъ къ отрадѣ намъ безсмертными былъ данъ.
Онъ Рурика сего на помощь приглашаетъ;
Его мечемъ онъ намъ блаженство возвращаетъ.
Въ то время, лѣтами и бѣдствомъ изнуренъ,
Дни кончилъ Гостомыслъ, отрадой озаренъ,
Что могъ отечества возстановить спокойство;
Но отходя къ богамъ, чтя Рурика геройство,
Народу завѣщаль, да сохранить онъ власть,
Свончавшую его стенанья и напасть.
Народъ нашъ, тронутый заслугой толь великой,
Поставилъ надъ собой спасителя владыкой.

Вадимъ.

Владыкой! Рурика! кого народъ сей спасъ?
Пришедъ на помощь намъ, что дѣлалъ онъ для насъ?

Онъ долгъ платилъ!... Но коль его благодареня
 Казались вамъ быть достойны воздаянья—
 Иль должно было вамъ свободою платить
 И рабство ваше въ даръ заслуги положить?
 О души низкія! падушія предъ ровомъ,
 И увлекаемы случайности потокомъ,
 Ахъ! если-бъ вы себя умѣли почитать!
 Блаженъ-бы Рурикъ былъ, когда-бъ возмогъ онъ стать,
 Въ порфирѣ облеченъ, гражданамъ нашимъ равенъ:
 Великимъ титуломъ симъ между царей ввѣкъ славенъ,
 Сей честью былъ-бы онъ съ избыткомъ награжденъ.
 Гласите: Гостомысль, геройствомъ убѣжденъ,
 Вамъ узы завѣщаль, чтобъ кончить ваше бѣдство.
 Иль вольность согражданъ была его наслѣдство?
 Иль могъ онъ васъ равно какъ тѣхъ животныхъ дать,
 Которыхъ для себя всякъ можетъ обуздать?
 Закрытый, въ гордости, отечества любовью
 И кровь соединя свою со царской кровью,
 Подъ видомъ прекратить всеобщую напасть,
 Онъ сыну дочери своей здѣсь отдалъ власть;
 А я тому дамъ дочь мою единородну,
 Имѣя душу кто не рабску, благородну,
 Стремясь отечества къ спасенью мнѣ во слѣдъ
 И жизни не щадя, всѣхъ смертныхъ превзойдетъ.
 Рамида та цѣна, котору предлагаю.
 Тирановъ врагъ—мой сынъ!... Къ ней страсть я вашу знаю,
 Вы знаете, ея прельщенны красотой
 Алкали чести быть цари въ родствѣ со мной;
 Но я пренебрегалъ пріять тирана въ сына,
 И гражданинъ—хотѣлъ Новградска гражданина.
 Явите, имени сего достойны-ль вы?
 Иль идола рабовъ воздвигнувъ на главы,
 Меня, и честь, и все ему предайте въ жертву.
 Увидьте и мою вы дочь сраженну, мертву.

Вигоръ.

Чтобы достойнымъ быть дражайшей толь руки,
 Готовъ одинъ презрѣть несмѣтные полки,
 Которыми престолъ свой Рурикъ утверждаетъ.

Пренестъ.

Колико счастья сего мой духъ алкаетъ,

И сколько я мое отечество люблю—
Съ оружіемъ въ рукахъ я то тебѣ явлю.

Вигоръ.

Клянусь Перуновымъ я именемъ священнымъ,
Клянуса сердцемъ я, Рамидою прельщеннымъ,
На все дерзать.

Пренестъ.

Прими ты клятву и мою.

Вадимъ.

О жаръ героевъ! Васъ я нынѣ познаю!
Надежда вы гражданъ, отечества отрада!
(Къ военачальникамъ, съ нимъ пришедшимъ)
Поборники мои! оставимъ стѣны града,
И пользуясь еще остаткомъ слабой тьмы,
Въ тѣ дебри мрачныя отсель отъидемъ мы,
Гдѣ ратники мои, побѣдою вѣнчанны,
Питая ярости стрѣмленья несказанны,
Котору въ нихъ возжегъ отечества уронъ,
Рѣшились умереть или низвергнуть тронъ.
Вигоръ къ героямъ симъ послѣдуетъ за нами,
Пренестъ останется здѣсь правити сердцами.
Ступайте!.. (Военачальники и Вигоръ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАДИМЪ И ПРЕНЕСТЪ.

Вадимъ.

Я тебѣ ввѣряю нашу часть:
Потщись воспламенить къ отечеству ту страсть,
Которая гражданъ героями творила,
Которую въ сердцахъ держава затворила,
Что можешь чувствовать, дай чувствовать то имъ.
Сравния себя, Пренестъ, съ почтеніемъ моимъ.
Хоть въ равной путь Вигоръ съ тобою и стремится,
Но твой успѣхъ моимъ желаньемъ становится.
Блаженъ, когда тебя обязанъ награждать,
Къ Рамидѣ возмогу твой пламень увѣнчать.

Пренестъ.

И дочерью твоей прекрасною прельщенный,
 И лестнымъ мнѣ твоимъ почтеньемъ восхищенный,
 Стыжуся я, неся мою на жертву кровь,
 Что жаръ къ отечеству дѣлать моя любовь!
 И можетъ быть твое почтенье уменьшаетъ
 Награда, чѣмъ Вадимъ мнѣ сердце утѣшаетъ.
 Вѣрь мнѣ, хотя всего превыше чту сей даръ,
 Но должности моей—любви не вреденъ жаръ,
 Въ которомъ все мое я счастье обрѣтаю;
 И если къ горести Рамидою я таю,
 Хотя несклонна мнѣ пребудетъ навсегда,
 Несчастенъ быть могу, безчестенъ—никогда!
 Увидишь ты меня, надежды всей лишена,
 За общество въ твой слѣдъ геройскій устремлена,
 Какъ и съ надеждою равно несуща грудь,
 Пренебрегая жизнь, въ кровавый славы путь.

Вадимъ.

Сего надѣюсь я, Пренеста сердце зная;
 Но дочь Вадимову такъ мало почитая,
 Почто ты думаешь ее несклонну зрѣть
 И общества въ тебѣ спасителя презрѣть?
 Въ ней кровь моя; она не будетъ малодушна
 И—только должности своей всегда послушна—
 Тѣ сердца слабости умѣетъ обуздать,
 Которы нѣга въ насъ удобна возрождать.
 Воспитанная мной, ты будешь въ томъ свидѣтель,
 Ей власть моя—законъ, а счастье—добродѣтель.
 Прости, ужъ солнца лучъ, распространяя свѣтъ,
 Въ дремучіе лѣса меня отсель зоветъ.
 Увы! когда уже здѣсь все порабощенно,
 Здѣсь нѣтъ отечества—оно все тамъ вмѣщенно,
 Герои наши гдѣ, взносяся надъ судьбой,
 Готовы умереть иль свитръ попрасть ногой!

Пренестъ.

Но дочь, незнающе Вадима возвращенья,
 Почто узрѣть тебя лишаешь утѣшенья?

Вадимъ.

Прибытіе мое брегись открыти ей:
 Хоть горько для души родительской моей,
 Что часъ свиданія я съ нею отдаляю;
 Но я отечество себѣ предпочитаю.
 Слѣшу устроить все, чтобы въ грядущу ночь,
 Свободу здѣсь узрѣвъ, мою увидѣть дочь.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РАМИДА И СЕЛЕНА.

Селена.

Се, приближается тотъ часъ, тобой желанный,
 Въ который твой отецъ, побѣдою вѣнчанный,
 Вадимъ, прибытіемъ обрадовавъ сей градъ,
 Рамидѣ принесетъ съ собою тьму отрадъ.
 Узришь возлюбленна родителя-героя,
 Который общества спокойствіе устроя,
 Ко прекращенію любезной дщери мукъ
 Приходить, изъ своихъ побѣдоносныхъ рукъ
 Отдать ее въ вѣнцѣ пылающему ею.
 Увѣрена твоей чувствительной душою,
 Твое величіе не чту себѣ въ уронъ.
 Супруга Рурика, возшедшая на тронъ,
 Надѣюсь, для меня Рамидою пребудетъ
 И дружества во-вѣкъ Селены не забудетъ.

Рамида.

Ты знаешь чувствія Рамидиной души.
 Селена, ты меня сей дружбы не лиши,
 Которая мое блаженство возвышаетъ;
 Она равно мой духъ плѣненный утѣшаетъ,
 Какъ та безсмертная, неодолима страсть,
 Безъ коей всякое мнѣ счастье — напасть.
 Вѣрь мнѣ, сей блескъ вѣнца, престола возвышенье,

Для чувствъ Рамидиныхъ презрѣнно утѣшенье!
 Въ користи, въ гордости я сердца не гублю:
 Не князя въ Рурикѣ, я Рурика люблю.

Селена.

Душою обладать героя ты достойна;
 Но въ ожиданіи твоихъ отрадъ спокойна,
 Готовясь къ счастью быть сопряженной бракомъ съ нимъ,
 Не огорчаешь-ли предчувствіемъ какимъ
 Души нѣжнѣйшею любовью упоенной?
 Не вопіеть-ли гласъ свободы сокрушенной?
 Не воображается-ль великій твой отецъ
 Во гнѣвѣ, въ ярости, зря царскій здѣсь вѣнецъ?

Рамида.

Почто-жъ смущать мое блаженство сей напастью?
 И что свобода вся предъ Руриковой властью?
 Вѣрь мнѣ, родитель самъ, героя зря сего,
 Свободу, гордость, все — забудеть для него.
 Возможно-ль Рурика кому возненавидѣтъ?
 Чтобъ обожать его, лишь надобно увидѣтъ.
 Свою вольностью лишенный всѣхъ отрадъ
 Не то-ли чувствовалъ, что я, и весь сей градъ,
 Какъ Рурикъ къ намъ привелъ торжественное войско.
 Вообрази себѣ сіе чело геройско,
 Престоль божественныхъ его души добротъ,
 Надежду будущихъ властителя щедротъ;
 Тѣ очи молніей и кротостію полны,
 Когда, смиривъ онъ здѣсь смятенья страшны волны,
 Народъ признательный привлекъ къ своимъ ногамъ.
 Коль можетъ человекъ подобенъ быть богамъ,
 Конечно, Рурикъ имъ единый только равенъ.
 Воспомни ты, какъ онъ, побѣдоносенъ, славенъ,
 Доволенъ только тѣмъ, что намъ благотворилъ,
 Въ своей душѣ за то награду находилъ
 И, мужествомъ прервавъ плачевны наши стоны,
 Отрекся здѣшнія завидной всѣмъ короны.
 Тогда народъ, страшась своихъ возврата бѣдъ,
 Слезами орошалъ сего героя слѣдъ.
 Въ какія горести весь градъ сей погружался;
 Казалось, намъ часъ послѣдній приближался.

Всему отечеству мой дух сотрепетагь,
 И съ Рурикомъ весь міръ Рамидинъ погибаеть.
 Ты видѣла то все. Селена, ты безстрастна!
 Скажи? Когда-бъ тебѣ вселенная подвластна
 Съ подобострастіемъ у ногъ твоихъ была,
 Иль власти-бъ ты своей ему не отдала?
 И міра къ радости, противъ себя правдива,
 Подъ властью Рурика ты какъ была-бъ счастлива?

Селена.

Сомнѣнія въ томъ нѣтъ, достоинъ власти онъ;
 Но если-бъ твой отецъ, которому здѣсь тронъ
 Гражданскихъ всякихъ бѣдъ несноснѣ казался,
 Противу Рурика къ несчастью ополчился,
 Когда-бы, не смотря на плачущую дочь.....

Рамида.

Отъ мысли сей мой духъ трепещетъ и теперь!
 Увы! коль мнѣ судьба толико будетъ злобна,
 Хоть скорби не снесу мученья неподобна,
 Колико Рурика я смертно ни люблю,
 Умру, но должности моей не преступлю;
 И повинуюся родительской я власти,
 У ногъ его мои окончу всѣ напасти...
 Но нѣтъ, почто, почто мнѣ сердце разрывать
 И грудь стениющую слезами обливать?
 Чего не можетъ быть — почто мнѣ тѣмъ терзаться
 И горестнѣйшимъ толь мечтаньемъ утрапаться?
 Мы лютость отъ себя сихъ мыслей удалимъ.
 Не можетъ къ Рурику питати злость Вадиmъ,
 Не можетъ... И герой героя обожаетъ.
 Твое сомнѣніе обоихъ унижаетъ.
 Во славіи равные, что можетъ ихъ смутить?
 Что можетъ къ зависти родителя склонить?...
 То свойство гнусное лишь подлыхъ душъ и черныхъ,
 Чтобъ зря достоинства на высотахъ безмѣрныхъ
 И бывъ безсильными до оныхъ возлетѣть,
 Во мрачности своей ихъ блеска не терпѣть.
 А истинный герой, упитанъ свѣтомъ славы,
 Доволенъ самъ собой, превыше сей отравы.
 Но пусть Вадима-бы встревожилъ здѣсь вѣнецъ,

Иль мною Рурику не будетъ онъ отецъ?
 Отвергнемъ тщетный страхъ и лютыя толь мысли.
 Селена, ты мой отрады всѣ изчисли!
 Но какъ возможно ихъ себѣ вообразить!
 Скажи, счастливѣе меня кто можетъ быть?
 Се, Рурикъ шествуетъ и зракъ его любовный
 Являетъ, сколь твои сомнѣнья безполезны.

ЯВЛЕНИЕ II.

РУРИКЪ, РАМИДА, СЕЛЕНА, ПРОВОЖАТЫЕ РУРИКОВЫ.

Рурикъ.

На быстрыхъ крыльяхъ ужъ тѣ часы парять,
 Которы счастье мое несутъ въ сей градъ;
 Въ которы твой отецъ, толь алчно жданный мною,
 Во лаврахъ возвращенъ отечеству судьбою,
 За всѣ труды меня Рамидой наградить
 И бракомъ все мое блаженство утвердить.
 Вельможи и народъ мнѣ дали здѣсь корону,
 И сердцемъ моему покорствуя закону,
 Превыше вольности мою считаютъ власть:
 Велика честь сія; но мнѣ была-бъ нанастъ,
 Когда-бы ты меня отъ сердца отвергала
 И тронъ украсить мой собою не желала.
 Однако, пламень мой къ тебѣ каковъ ни люте,
 Хоть жизнью не чту я горькихъ тѣхъ минутъ,
 Въ которы, удаленъ твоей красы, страдаю,
 Я счастливымъ себя еще не почитаю,
 Коль равной страстию Рамида не горя,
 Мнѣ счастье подаетъ, свою въ немъ должность зря;
 И за гражданъ своихъ, въ награду ихъ спасенья,
 Хоть малая себѣ потерпѣть принужденья.
 Чтобъ словомъ чувствіе мое изобразить,
 Тобой—тебѣ одной хочу я долженъ быть.
 Хоть прелести твои моею души питаешь,
 Хотя, лишась тебя, мнѣ будетъ жизнь страданье;
 Но горьку часть сію той части предпочту,
 Чтобъ зря всегда твою въ уныньи красоту,
 Встрѣчая съ ужасомъ моею супруги взоры
 Всечасно находить смертельны въ нихъ уворы...
 Притворства чуждому вѣрнъ сердцу моему:

Стократъ пріятнѣй мнѣ терзаться самому,
 Какъ, изъ тоски другихъ извлекши люту радость,
 Вкушати свойственну однимъ тиранамъ сладость.
 Открой мнѣ чувствіе твоего сердца:
 Не огорчаю-ли хоть мало тѣмъ его,
 Что жизни счастье въ тебѣ одной влючаю,
 Что я въ тебѣ себя съ душою сочетаю?

Раида.

Какъ можешь, государь, ты то вообразить,
 Чтобы Раидинъ духъ умѣлъ себя склонить
 Къ притворству низкому, безъ страсти принуждаться
 И узамъ тягостнымъ къ мученью предаваться?
 И что-бъ, скажи, тому виною быть могло?
 Или увѣнчано короною чело?
 Вѣрь мнѣ, когда-бы кто вселенной на престолѣ,
 Открывши гордости моей безмѣрно поле,
 Вѣнцами безъ числа глазамъ моимъ блисталъ
 И за любовь мою власть міра отдавалъ,
 Коль сердцемъ-бы его Раида не избрала,
 Она-бы скиптры съ нимъ и троны презирала;
 А если-бы свою онъ призывалъ въ помощь власть,
 Умѣла-бъ смертію отвергнуть я напасть.
 Гражданку здѣшнюю, возросшую въ свободѣ,
 Не можетъ удивить ничто во всей природѣ.
 Подвластна лишь богамъ и моему отцу,
 Всѣмъ сердцемъ я къ тебѣ стремлюся, не къ вѣнцу.
 Ты внемлешь гласъ души безъ лести, безъ искусства;
 Къ притворствамъ_никакимъ мои несродны чувства;
 И если-бъ Рурика любить я не могла,
 Я съ откровенностью то равною-бъ рекла,
 Какъ и теперь мой духъ прельщенный то вѣщаетъ:
 Коль Рурикъ счастье все въ моей любви влючаетъ,
 Когда зависить то отъ сердца моего,
 Такъ нѣтъ счастливіе на свѣтѣ никого.

Рурикъ.

О часъ драгой! моей всей жизни драгоцѣннѣй!
 Я вѣчно не вкушалъ отрады совершеннѣй;
 Внимая сладостнымъ изъ устъ твоихъ словамъ,
 Завистна кажется моя судьба богамъ.

Увѣренъ, восхищенъ признаньемъ вожделѣннымъ,
 Я съ сердцемъ, новою днесъ жизнью укрѣпленнымъ,
 Иду, куда меня правленья долгъ зоветъ:
 Въ немъ Рурикъ бремени ужъ больше не найдетъ;
 И сколь ни тягостны несмѣтны попеченья,
 Труды, прискорбія, душевны огорченья,
 Которыхъ требуетъ монарховъ тяжка власть,
 Мнѣ будетъ счастьемъ и самая напасть;
 Хоть Рурикъ жизнь свою за твой народъ утратить,
 За все единый взоръ Рамиды мнѣ заплатитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАДИМЪ (сокрытъ во одеждѣ простаго воина), **РАМИДА**, **СЕЛЕНА**.

Вадимъ (въ отдаленіи, не видя Рамиды).

Ужасная мое пронзила сердце вѣсть!
 О дочь жестокая! Какъ то Вадиму снести!
 Рамида къ Рурику любовію пылаетъ...
 Уже послѣдняго меня тиранъ лишаетъ...
 Но се она....

Рамида.

Тебя-ль я зрю, родитель мой?
 Герой! позволь въ твоихъ объятіяхъ....

Вадимъ (отвергая ее).

Постой!

Рамида.

Что вижу?... Ты моимъ восторгамъ отвѣчаешь
 Презрѣньемъ!... Или дочь свою пренебрегаешь?
 Украшенъ лаврами ее не познаешь
 И въ жертву гордости природу отдаешь?

Вадимъ.

Несчастлива! Если-бъ я тебя возненавидѣлъ,
 Я съ равнодушіемъ восторгъ-бы твой увидѣлъ
 И, ласки воспріявъ, тебя-бы не отвергъ.
 Но—о несчастія неизмѣрима верьхъ!—
 Возври, и по сему познай прискорбну виду:
 Гнушаясь, не могу я не любить Рамиду.

Рамида.

Ахъ, каждая твоя ужаснѣйшая рѣчь,
Вонзаясь въ сердце мнѣ, разить какъ острый мечъ.
Чѣмъ вина я, скажи, возлюбленный родитель?
Что духъ терзаетъ твой, герой и побѣдитель?
Открой мнѣ, плачущей родителя у ногъ,
За что, лиша тебя, мой рокъ мнѣ столько строгъ?
Чтобъ сердцемъ ты опять къ Рамидѣ обратился,
Что дѣлать мнѣ, скажи?... Твой болѣзнь зракъ смутился!
Гласи, повелѣвай — за отческу любовь,
Мнѣ должно-ли въ сей часъ пролить мою всю кровь?
Пролей! она твоя! возьми твой даръ обратно!

Вадимъ.

Гласъ должности твоей какъ слышать мнѣ пріятно!
Я чувствъ родительскихъ къ тебѣ не истребя,
Не жизни требую, но чести отъ тебя.

Рамида.

Что слышу?... Или дочь свою подозрѣваешь?...
Ты чести требуешь — или меня не знаешь?

Вадимъ.

Не знаю.... Ты сама теперь въ себя вошедь,
Отрады полный мнѣ дать можешь-ли отвѣтъ:
Что чести въ правилахъ Вадима непремѣнна,
Ты таже дочь моя, любезна и бездѣнна?
Блестая какъ всегда заразой красоты,
Рамиду прежнюю найдешь-ли въ сердцѣ ты?

Рамида.

Меня вопросами какъ громомъ изумляешь!
Ты судю въ себѣ, а не отца являешь...
Богами и тобой самимъ я въ томъ кланусь,
Что та-жъ Рамида я, что вѣкъ не премѣнюсь;
Что дочь достойная Вадима, но несчастна;
Что чести правиламъ его всегда подвластна;
Что паче я всего родителя люблю;
Что я, не зная вины, ужасну казнь терплю.
Открой проступокъ мой!

Вадимъ.

Ты страстию пылаешь
 Въ носашу здѣсь вѣнецъ, а ты вини не знаешь...
 Быть можетъ, клевета Рамиду тѣмъ мрачить.
 Разруши вѣсть сію, чѣмъ городъ сей звучить...
 Ахъ, ежели меня не истина сразила;
 Боль чувствія мои Рамида сохранила;
 Боль врагъ мой — врагъ тебѣ въ сіяніи вѣнца,
 Дерзай, любезна дочь! въ объятія отца...
 Несчастлива! плачешь ты и грудь твоя томится!...
 Мое безславіе мнѣ ясно становится!

Рамида.

Когда порокъ — любить спасителя гражданъ,
 Который отъ боговъ къ отрадѣ смертнымъ данъ;
 Который, прекратя общественныя стоны,
 Отрекся здѣсь ему представленной короны;
 Который, умоленъ народа токомъ слезъ,
 Небесныя благодати съ собой на тронъ вознесъ;
 Которой, какъ отца, Вадима ожидаетъ:
 Виновою себя Рамида почитаетъ!
 Достойна казни я. Вотъ грудь моя, пронзай!
 Имъ сердце плѣнное на части растерзай!
 Теряя съ нимъ я все, и небеса и землю,
 Ударъ смертельный твой за даръ драгой приемлю.

Вадимъ.

Обрушья на меня небесъ пресвѣтлыхъ тверды!
 Ты просишь смерти, ты вкусишь достойна смерти!
 Злодѣйскимъ пламенемъ и пагубнымъ пылая,
 Отцеубійца ты, меня во гробъ вседая;
 Измѣнница! твое отечество предавай,
 И вольность согражданъ, и святость нашихъ правъ!
 О ты, сообщница коварнаго тирана,
 Которымъ съ кротостью дана намъ смертна рана!
 Поди къ нему, поди, скажи: твой здѣсь отецъ;
 Что хочетъ онъ сорвать съ главы его вѣнецъ.
 Да придетъ онъ свое предупредить паденье,
 И сердце мнѣ пронзая, скончатъ мое мученье...
 Поди, и мечъ направь злодѣя моего

На грудь родителя несчастна твоего:
И смертію отца препонъ освобожденна,
Взойди на тронъ, моей ты кровью обогрѣнна!...

Раида.

Постой, родитель мой! ахъ, сжался надо мной!
Твои укоры, видъ толико грозный твой,
Твой гнѣвъ — то болѣе мнѣ смерти страхъ наноситьъ,
Которой у тебя дочь бѣдна тщетно просить...
Познай, родитель мой, познай въ сей часъ меня:
Тебя достойна я, хоть мучуся стена...
Сей нѣжный огонь любви, мнѣ толь пріятный прежде,
Заслугой Рурика обманута въ надеждѣ,
Сей огонь, которымъ я питала жизнь мою,
Смертельно мучима, зря ненависть твою,
Сей лютый огонь клянѣ и въ немъ порокъ мой вижу,
И сердце слабое, терзаясь, ненавижу
За то, что я, стремясь въ немъ пламень потушитьъ,
Съ симъ пламенемъ должна и жизни свѣтъ гасить...
Оставь мнѣ то, оставь, что сердце отерывая,
Кажу его, тебя лишь болѣ прогнѣвая;
Я искренностію родителю должна
И помощь въ горести несносной мнѣ нужна.
Отца я въ нѣдра грусть смертельную проливаю,
Родителя къ моей отрадѣ призываю...
Отеческимъ воззри ты окомъ на меня
И пожалѣй о мнѣ, несчастную вина.
Жалѣй — превозмогусь, явлюсь тебя достойна,
И волю соверша твою, умру спокойна.
Повелѣвай; меня послушну будешь зрѣть.

Вадимъ.

Достойна ты меня, а хочешь умереть.
Кто? Ты? Вадима дочь! и дочь свободна града!
Превозмогись, живи и будь моя отрада.
Клянись покорствоватъ во всемъ твоей судьбѣ.

Раида.

Клянусь!... Чѣмъ быть могу подобна я тебѣ?

Вадимъ.

Изъ сердца истребя жаръ гнусныя отравы,

Со мною шествуя ко храму вѣчной славы,
Къ тирану въ ненависть любовь преобразить.

Рамида.

Клянусь... хоть не могу сего я совершить...
Клянусь... коль должно мнѣ... всечасно умирая,
Не зрѣть его во вѣкъ, иль видѣть отвергая.

Вадимъ.

Клянись—чтобъ могъ я дочь мою во всемъ познать
И міру безъ стыда Рамиду показать—
Клянись, что одолѣвъ душъ рабскихъ страстную муку,
Изъ нашихъ согражданъ тому отдашь ты руку,
За вольность общества кто паче всѣхъ герой
Покажетъ, что владѣть достоинъ онъ тобой.
Клянись, наградою быть тирана за паденье.

Рамида.

Чего ты требуешь! увѣ! сіе мученье
Превыше силъ моихъ! иль мало жертвы той...

Вадимъ.

Поди отъ глазъ моихъ, —изчезни предо мной!
Быть дочерью моей я способъ предлагаю;
А ты... Нѣтъ! ты не дочь и я тебя не знаю!
Храня любовь отца, я только что крушусь.

Рамида.

Постой, родитель мой! я все свершить клянусь!
Коль мало лютыхъ мукъ, которыя предприемлю,
Ты вымысли еще...

Вадимъ.

Я дочь мою объемлю!

Не плачь, умѣрь тоску, что грудь твою тѣснитъ!
Что можетъ насъ терзать, коль слава предстоитъ? (Увидя Пренеста)
Пренестъ, отечества въ спасенью есть-ли виды?
Ужель достоинъ ты руки моей Рамиды?

ЯВЛЕНИЕ IV.

ВАДИМЪ, РАМИДА, ПРИНЦЕВЪ.

Пренестъ.

Всѣ чувства устремя тебѣ подобнымъ быть
 И, обществу служа, Рамиду заслужить,
 Лишь только ты меня, спѣша за градъ, оставилъ,
 Тотчасъ мои стопы къ вельможамъ я направилъ,
 Которыхъ гордый духъ противъ вѣнца ропталъ
 И гнѣва молнію въ молчаніи питалъ.
 Собравъ ихъ, я имъ рекъ: „Се часъ тотъ наступаетъ
 Въ который небо намъ судьбу гражданъ вручаетъ;
 Въ который городъ нашъ, сей прежде царь царей,
 Сіе питалище великихъ толь мужей,
 Съ свободой своего сіяніа лишенный,
 Подъ игомъ скипетра позорно удрученный,
 Возможесть вознестись на высоту опять,
 Чтобъ Сѣверу всему законы подавать.
 Уже извѣи на тронъ направлены удары:
 Ужь съ воинствомъ Вадимъ принесть тиранству кары.
 Коль также, какъ ему, противенъ вамъ вѣнецъ,
 Паденья своего не избѣжить гордецъ,
 Который, намъ дая вкушать соти коварства,
 Насъ клонить къ горести самодержавна царства.
 Великодушень, днесъ, онъ кротокъ, справедливъ,
 Но укрѣпя свой тронъ, безъ страха горделивъ,
 Коль чтитъ законы днесъ, во всемъ равняясь съ нами,
 Законы послѣ всѣхъ и насъ попретъ ногами!
 Проникнувъ въ будущее вы мудростью своей,
 Не уснпайтеся блаженствомъ власти сей:
 Что въ томъ, что Рурикъ сей героемъ быть родился,
 Какой герой въ вѣнци съ пути не совратился?
 Величья своего отравой упоень —
 Кто не былъ изъ царей въ порфирѣ развращень?

. *)

Воззрите на владыкъ вы разныхъ царствъ и вѣковъ,

*) Въ этомъ мѣстѣ мы вынуждены сдѣлать пропускъ въ 4 строки. Ред.
 *

Ихъ власть — есть власть боговъ, а слабость — челоуѣковъ!⁴
 Потому, чтобъ яростны противъ лучей вѣнца
 И паче раздражить ихъ гордыя сердца,
 Изобразилъ я имъ народовъ страшны бѣдства;
 Тѣ самовластія плачевны, люты слѣдства,
 Вокругъ котораго съ кадиланицею лествъ,
 Безстудно принося богамъ пристойну честь,
 Преступниковъ въ вѣнцахъ съ безсмертными равняетъ
 И кровью подданныхъ на тронахъ упоетъ.
 Гнѣвъ болѣ пламена моихъ чертами словъ,
 „Представьте, я сказалъ, вы смертныхъ сихъ боговъ,
 Въ надменности свою закономъ чтущихъ волю,
 По гнуснымъ прихотямъ влекущихъ нашу долю
 И первенство дая рабамъ своихъ страстей,
 Предъ ними тотъ великъ — кто паче всѣхъ злодѣй.
 Дождемся-ли и мы такой ужасной части,
 Когда властитель нашъ, въ своей спокоенъ власти,
 Личину хитрости со горда снявъ лица,
 Явилъ чудовище подъ блесками вѣнца?
 Всечасно окруженъ свирѣпостью и страхомъ,
 Подножья своего считать насъ будетъ прахомъ;
 И присвоивъ плодъ трудовъ несмѣтныхъ лѣтъ,
 Отниметъ все у насъ и даже солнца свѣтъ,
 Чтобъ подлостью наградить своихъ льстецовъ прегнусныхъ.
 Ужъ есть событіе такихъ предвѣстій грустныхъ;
 Его Варягами наполненъ весь нашъ градъ;
 Ужъ съ нами становя своихъ рабовъ онъ въ рядъ,
 Остатки вольности и нашихъ правъ отъемлетъ;
 А вашъ великій духъ на краѣ бездны дремлетъ!
 Проснитесь!...“ Вдругъ ихъ вопль остановилъ мой гласъ:
 Идемъ пронзати грудь тирану сей-же часъ!
 Ихъ рвеніе описать я сколько-бъ ни старался,
 Какъ мракъ предъ пламенемъ глаголь-бы мой, казался.
 И какъ изобразить движеніе сихъ мужей,
 Сихъ ненавистниковъ и рабства и царей;
 Ихъ слезы на очахъ отъ гнѣва и позора,
 Летящи молніи отъ яростнаго взора,
 Баграность мрачныхъ лицъ, сей образъ грозныхъ тучъ,
 Изъ коихъ вольности блисталъ надежный лучъ
 И неминуемо тираново паденіе.
 Въ послѣдокъ, премѣня свой гнѣвъ во испущеніе,

Забывъ опасности и всѣ исторгнувъ мечъ,
 Стремясь тотъ-же часъ злодѣя дни пресѣчь!
 „Друзья, сказалъ я имъ, безвременно геройство
 Отъ земли плодъ, не есть сердець великихъ свойство.
 Что въ томъ, коль вашу днесь погибель вы презрѣвъ,
 Повергните себя въ разверстий смерти зѣвъ?
 Не крови вашей отечество желаетъ:
 Оно отъ вашихъ рукъ спасенья ожидаетъ.
 Великимъ толь дѣламъ намъ должно дать созрѣть;
 Въ грядущу ночь у стѣнъ Вадима будемъ зрѣть;
 Въ грядущу ночь врата отворимъ мы герою,
 А съ нимъ ведущему свободу нашу строю.“
 По семъ, какъ вихрями смущенна бездна водъ,
 Стремленью ярости почувствовавъ оплотъ,
 Стѣсенная кипить, реветъ и тщетно рвется,
 Таковъ героевъ сонмъ во гнѣвѣ остается
 И просить солнце путь свой ясный сократить,
 Чтобъ мракъ привелъ тотъ часъ, въ который имъ разить.
 (При сихъ словахъ выходитъ Вигоръ).

Вадимъ.

Сего я ожидалъ, героевъ нашихъ зная
 И добродѣтели Пренеста почитая. (Указывая на дочь)
 Се, воздаяніе, вѣнецъ трудовъ твоихъ.

Пренестъ.

Судьба моя теперь въ ея устахъ драгихъ,
 Не смѣю счастливымъ дотолѣ я назваться.

Раида.

Мой долгъ родителю во всемъ повиноваться. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

ВАДИМЪ, ПРЕНЕСТЪ, ВИГОРЪ.

Вигоръ (въ сторону).

Что слышу? Вѣрить-ли мнѣ чувствіямъ моимъ?... (Къ Вадиму)
 Смятенно воинство отсутствіемъ твоимъ...

Вадимъ.

Иду. (Къ Пренесту) Свѣрай все такъ, какъ начато тобою!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Вигоръ (одинъ).

Итакъ я былъ, о рокъ, коварства ихъ игрою!
 Спасенью общества назначена цѣна—
 Пренесту, а не мнѣ, Рамида отдана.
 Что сдѣлать сей Пренестъ? Вадимъ, какая слава,
 Какой успѣхъ ему даетъ отмѣины права?
 Почто тобою такъ я люто пораженъ?
 Но тщетно быть Вигоръ не можетъ униженъ,
 И если должно мнѣ лишиться Рамиды...
 Вострепещи, творя столь смертны мнѣ обиды!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

РАМИДА И СЕЛЕНА.

Селена.

Горчайшихъ слезъ твоихъ потоки осуши,
 Не погружай твоей въ отчаянье души.

Рамида.

Селена, все мое почувствуй ты терзанье!
 О доля лютая! о страшно состоянье!
 О долгъ, долгъ варварскій! мнѣ должно жизнь хранить
 И не для Рурива, а для инаго жить.
 Мнѣ должно, какъ врага, того возненавидѣть,
 Въ комъ духъ плѣненный мой привыкъ блаженство видѣть...
 Его всечасно зрѣть, его любви внимать,
 Взаимной нѣжностью за нѣжность воздавать,
 Въ томъ находила я, надеждой ослѣпленна,
 Чего не можетъ мнѣ отдать и вся вселенна...
 Возлюбленный! въ сей день предвидѣть я могла-ль,
 Что я, смертельную во сердцѣ скрывъ печаль
 Которо безъ тебя не можетъ утѣшаться,
 И зрѣть тебя должна я буду ужасаться;

Что душу зря мою въ тебѣ, — о грозный рокъ! —
 Нѣжнѣйшу страсть должна считати за порокъ,
 И что, — о верхъ злыхъ мукъ, неслыханныхъ и въ адѣ! —
 Злодѣйству мздой ставъ въ неблагодарномъ градѣ,
 Должна, о страхъ, я съ тѣмъ себя соединить,
 Кто мечь свой долженъ въ грудь дражайшую вонзить!...
 Одна отрада смерть въ несносномъ толь мученьи;
 Но отнято и то несчастныхъ утѣшенье;
 Пристанища сего лишаетъ рокъ меня;
 Умрети не могу, отцу не вѣмъна...
 Селена! ты меня отверженную, сиру,
 И не привязанну ничѣмъ ужъ болѣ къ міру,
 Подъ игомъ должности лющу токи слезъ,
 Оставленну отцемъ, забыту отъ небесъ,
 Не оставляй въ сіи жестокиа минуты!
 Когда и смертныя ко мнѣ и боги люты,
 Во дружбѣ лишь твоей отрада вся моя.
 Недолго отягчать Селену стану я;
 Недолго!... И души я въ Рурикѣ лишена,
 Уже вкушаю смерть съ собою разлученна.

Селена.

На дружбу ты мою надежду возлагай;
 Исполнить все она, лишь только пожелай.
 Мнѣ должно-ль, Рурику отрывъ твоё мученье
 И твоего отца порочно ополченье,
 Явити всё ему опасности его?

Рамида.

Желая смерти я, и болѣ ничего!
 Ты хочешь, чтобы я, дочь люта и порочна,
 Страдая отъ того, что страсть моя безпрочна,
 Противъ родителя измѣной вооружась,
 Отраду обрѣла, къ злодѣйству преклонясь.
 Нѣтъ! надъ собой не дамъ я року столько власти;
 Умру въ мученіяхъ, не заслужа напасти.
 Я не безчестія отъ дружества ищу,
 Той помощи одной, Селена, я хочу,
 Чтобъ стоны ты мои смертельны воспримала;
 Чтобъ состраданіемъ ты муки облегчала,
 И чтобъ, какъ смерть прерветъ несчастну жизнь сію,
 Явила-бъ Рурику невинность всю мою.

Селена.

Са, Рурикъ шествуетъ.

Рамида.

Мой духъ изнемогаетъ...

Сокроемсл!

ЯВЛЕНІЕ II.

РАМИДА, СЕЛЕНА, РУРИКЪ И ИЗВЕДЪ.

Рурикъ.

Меня Рамида убѣгаетъ!

То зря, повѣрить я могу-ль моимъ глазамъ?
 Когда касаюся тѣмъ радостнымъ часамъ,
 Въ которы принесеть отецъ твой въ здѣшни стѣны
 Блаженство все мое, какія зрю премѣны?...
 Ты отвращаешь взоръ, трепещуща, блѣдна!...
 Ты знаешь, счастье все мое лишь ты одна...
 Или ты быть могла противъ меня коварна?...
 Спасенье твоего народа благодарна,
 Другъ вѣрный общества, герой нашъ, твой отецъ,
 Все то, что свято намъ, и боги наконецъ
 Могли-бъ способствовать моей любви обѣтамъ;
 Но сердце не стремилъ къ священнымъ толь предметамъ:
 То было-бы ничто безъ сердца твоего...
 Дражайшихъ слово устъ правыше мнѣ всего;
 Симъ словомъ отъ тебя я въ счастья увѣренъ,
 Считаю увѣнчанымъ мой жаръ къ тебѣ безмѣренъ,
 И зная, что въ сей день отецъ твой внидетъ въ градъ,
 Для ускоренія души моей отрадъ
 Ко брачну торжеству ужъ все теперь готово.
 Ты повтори еще дражайшее то слово,
 Съ которымъ такъ въ сей часъ несходенъ сталъ твой зракъ,
 Преображая мнѣ свѣтъ солнца въ смертный мракъ;
 Ты любишь-ли меня, какъ прежде увѣрала?...
 Иль чтобъ лютѣй сразить, надежду подавала?

Рамида.

Оставь къ несчастію рожденную на свѣтъ,
 Будь счастливъ безъ меня, инаго средства нѣтъ.

Рурикъ.

Что слышу? Счастливымъ мнѣ быть повелѣваешь,
 А сердце изъ меня, жестока! исторгаешь.
 Могу-ли безъ тебя я душу ощущать?
 Тебя лишеннаго чѣмъ можетъ свѣтъ прельщать?
 Рамиду потерявъ, что наградить утрату?
 За нѣжность всю мою готовишь гробъ въ отплату.

Рамида.

Коль дочь Вадимова, стеница и слаба,
 Возможесть, мучася, не быть страстей раба:
 Такой какъ ты герой, давъ счастье народу,
 Удобенъ возвратить души своей свободу.

Рурикъ.

Какой ужасѣйшій изъ устъ драгихъ совѣтъ;
 Рѣчь каждая твоя, какъ буря, духъ матеть;
 Колеблются въ глазахъ затѣвныкъ здѣшнихъ стѣны;
 Поняти не могу незапной толь премѣны...
 О страшна мысль! иной тебя возмогъ тронуть?
 Свершай свирѣпости, пронзая вѣрну грудь!

Рамида.

О, мысль смертельная! сему ты можешь вѣрить,
 Что можетъ предъ тобой Рамида лицемѣрить,
 Что можетъ свѣтъ сносить и жить не для тебя?...
 Ахъ, что я дѣлаю?... Разсудокъ погубя,
 Стремлю смятенный духъ въ сладчайше вступленье.
 Все то, что льстило мнѣ, все стало преступленье.
 Могу-ль я то сказать... рокъ! о гронный рокъ!...
 Мнѣ даже зрѣть тебя ужасѣйшій порокъ!

ЯВЛЕНИЕ III.

РУРИКЪ, ИЗВЕДЪ.

Рурикъ.

Скрывается! А я, какъ небомъ пораженный,
 Недвижимъ, громовымъ ударомъ изумленный,
 Въ окамененіи, всѣ чувства истребя,
 Не вижу ничего, не помню самъ себя.

Рамида-ль здѣсь была? Она-ли мнѣ вѣщала?
Иль злѣйшая мечта во снѣ мой духъ смущала?
Рамида то была: все было на яву;
А тщетно изъ ея оковы я сердце рву.

Изведъ.

Отвергни страсть, тебя котора унижаетъ,
Тебя, котораго весь Новградъ обожаетъ,
Которому за грудь—безсмертна слава изда!
Не допусти себя унизить до стыда,
Чтобъ для совѣстника и мрачна и презрѣнна
Раמידою себя узрѣть отриновенна.

Рурикъ.

Могу-ль я сей ударъ смертельный перенести.
Иль можетъ до того ея гнусна быть лесть,
Чтобы, закрывъ себя во мнѣ нѣжнѣйшей страстью,
Ругаться моей священнѣйшею властью,
И чтобы гордости того меня предать,
Не стоять, можетъ быть, кто и на свѣтѣ взирать!
Искореню любви изъ сердца всю отраву.
Мнѣ должно сохранить приобрѣтенну славу,
И не любовникомъ, монархомъ здѣсь пребыть,
И даже имя сей Рамиды позабыть;
Мнѣ должно одолѣть толь гнусное терзанье...
Но, ахъ! почто-жъ сей стонъ, сей плачь и воздыханье?
Прерванны рѣчи тѣ и то смятенье словъ?
Почто-бы все сіе, когда бы не любовь?
Есть тайна нѣкая, что сердце ей свѣдаетъ;
А тайны сей со мной она не раздѣляетъ. (Къ Изведу)
Окончи смерть мою, ударъ свой доверши!
Остатка моя лишай меня души!
Надежду всю мою отъемли ты, жестокий!
И ядомъ наполняй тѣ раны преглубоки,
Которы къ горести Рамидой мнѣ даны!
Кто дерзкій врагъ, вѣмъ дни мои отравлены?
Кто сердце у меня Рамиды похищаетъ?

Изведъ.

Когда властитель мой мнѣ то повелѣваетъ,
Открыть я долженъ...

Рурикъ.

Нѣтъ! Я вѣдать не хочу;
 Я самъ себя страшусь; восторговъ трепещу,
 Которы возмутя мой духъ, ослабшій въ страсти,
 Подвигнуть къ низостямъ, позорнымъ царской власти,
 И устремивъ меня отмщать подвластну мнѣ,
 Представятъ Рурика тираномъ въ сей странѣ.
 Коль должно мучиться — страдать одинъ я стану;
 Но скривъ отъ глазъ мою смертельную въ сердцѣ рану,
 Моимъ губителямъ я не подамъ отрадъ,
 Чтобъ мной спасенъ меня возненавидѣлъ градъ.
 Всечасно самому себѣ пребывъ я равень,
 Хотя несчастенъ я, остануся ввѣкъ славенъ;
 И благостями скривъ стенищую любовь,
 Коль подлня сердца презрѣнныхъ мной враговъ
 Удобны мукою моею утѣшаться,
 Съ ихъ подлостью твой князь не хочетъ уравниваться.

Изведъ.

Се, мысль достойная возвышенныхъ на тронъ.
 Возможноеть это своимъ давать страстямъ законъ,
 Кто сердце средь ихъ волнь, какъ камень, утверждаетъ,
 Тотъ смертными одинъ достойно обладаетъ!
 Одинъ достоинъ онъ безсмертныхъ представлять,
 И ихъ владычество въ порфирѣ раздѣлять.
 (При сихъ словахъ вдали показывается Пренесь).
 Увѣренъ, что твой духъ въ волненіи спокоенъ,
 Не будетъ твоего величья недостойнъ,
 Чтобъ сердце страстно могъ ты легче исцѣлить,
 Я долженъ низаго совѣстника открыть. (Указывая на Пренестя)
 Се онъ, ничтожный врагъ спокойствія царева!
 Спасителя сихъ странъ достоинъ-ли онъ гнѣва?

Рурикъ.

Пренесь!... О небеса, скрѣпите вы мой духъ!

Изведъ.

По граду носится о томъ повсюду слухъ,
 Что съ сердцемъ отдаетъ ему Рамида руку.

Рурикъ.

Мнѣ должно подтвердить мою несносну муку.

ЯВЛЕНИЕ IV.

РУРИКЪ, ПРЕНЕСТЬ, ИЗВЕДЪ.

Рурикъ (Пренесту).

Приблизься ты ко мнѣ, счастливый гражданинъ!
Хоть къ страху множество имѣешь ты причинъ,
Хоть долженъ предъ твоимъ владыкой содрогаться,
Но ты безъ трепета можешь мнѣ признаться.
Въщай безъ ужаса.

Пренестъ (въ сторону).

Открылось все теперь! (Къ Рурику)

Порывы гордости властителя умѣрь!
Могу-ль твоею быть я злобой востревоженъ.
Кому не страшна смерть, предъ тѣмъ твой скиптръ ничтоженъ!

Рурикъ.

По чувствамъ ты твоимъ судя и о мнѣ,
Ужъ казни смертныя ты мыслишь видѣть въ мнѣ.
Когда-бъ владѣлъ Пренестъ—къ тому-бъ онъ былъ удобенъ;
Но Рурикъ можетъ-ли Пренесту быть подобенъ?
Напрасно ты на смерть готовишься держать
И скиптръ тцетно мой ты смѣешь презирать!
Ты съ горделивостью твою вину являешь,
Чтобъ раздражить меня, но ты не раздражаешь.
Ко гнѣву на тебя я скиптръ не преклоню
И, страсти слѣдуя, себѣ не измѣню.
Спокоенъ предъ тобой, что ты мой врагъ, я знаю—
И зная все, тебя съ Рамидой презираю.

Пренестъ.

Коль есть толь низкія среди гражданъ сердца,
Которы, ослѣпясь блистаніемъ вѣнца,
Веругъ трона ползая, корыстью уловлены,
Открыли подвиги героевъ сокровенны
И предали тебѣ отечество и честь,
Не думай, чтобы я, закрывся въ робку лещь,

Въ изгибахъ гнусной лжи возмогъ-бы пресмѣяться,
И что я врагъ тебѣ отъ чести отрицаться
Славнѣй за общество съ Вадимомъ умереть,
Какъ ради милостей твоихъ свѣтъ солнца зрѣть!

Рурикъ (въ сторону).

Что слышу! люта вѣсть!

Пренестъ.

Твой тронъ стоитъ надъ бездной!...

Отпдай, коль хочешь ты, мнѣ казнью бесполезной;
Но знай, когда себя желаешь сохранить,
Сражай весь градъ, чтобъ всѣхъ героевъ истребить:
Владѣй надъ мертвыми или сойди со трона.

Рурикъ.

Твои угрозы мнѣ не могутъ быть препона
Ко счастью вашего народа обладать.
На то-ль я спасъ сей градъ, чтобы его предать
Вельможамъ, гордецамъ, мятежнымъ и крамольнымъ,
Тѣмъ только властію моею недовольнымъ,
Что ихъ я обуздаль народу зло творить
И въ мнимой вольности свое тиранство крыть?
Вы скиптръ мнѣ дали здѣсь къ скончанію напасти
И скипетръ сей отнять не въ вашей болѣ власти.
На добродѣтели престолъ мой утвержденъ;
Зрю ясно я, что онъ богами покровенъ:
Они твой духъ въ сей часъ повергнувъ въ заблужденье,
Сокрыто отъ меня явили преступленье;
И самъ ты измѣнилъ сообщникамъ твоимъ;
Да вострепещутъ всѣ и даже самъ Вадимъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Пренестъ (одинъ).

Что сдѣлалъ я? Его вопросаи смятенный,
Даль видѣть на него Вадимовъ мечъ внесенный
И на составленный героевъ заговоръ
Я просвѣтилъ его покрытый мракомъ взоръ.
Горя любовію къ Рамидѣ онъ прелестной,
Онъ только зналъ, что я... Но кто-же тотъ безчестной,
Который могъ открыть?... Вигоръ совѣстникъ мой,

Онъ мукой ревности тѣснимъ ядъ пролилъ свой,
И вѣдая ко мнѣ Вадима предпочтенье,
Путемъ коварствъ однихъ стремился въ отомщенье.
Се онъ....

ЯВЛЕНИЕ VI.

ПРЕНЕСТЬ, ВИГОРЬ.

Пренестъ.

Скажи, кто могъ тирану то внушить,
Что возмогу его Рамиды я лишить?
Не ты-ль, ея отца познавъ ко мнѣ пристрастье,
Повергъ его, меня и общество въ несчастье,
И ревностью твоей...

Вигорь.

Не я.

Пренестъ.

Въ сердцахъ у насъ
Священна тайна та отъ прочихъ скрыта глазъ.
Могу-ли обратить сомнѣнье на инова,
И чѣмъ увѣришь ты?

Вигорь.

Не я. Довольно слова

Ко оправданію всей чести моея.
Россіянинъ—таковъ какъ ты, таковъ какъ я —
Коль слово изрѣчетъ, должны и боги вѣрить!
Единые рабы удобны лицемѣрить.
Въ сомнѣніи твоємъ прощаю я тебя!
Ты, мысля, что я подлъ, унизилъ самъ себя.
Хотя въ тебѣ врага счастлива ненавижу;
Но подлостью себя во гнѣвѣ не обижу.
Дабы совмѣстника счастлива истребить,
Такъ много я себя не возмогу забыть,
Чтобъ уклони мой духъ ко гнусну наущенью,
Черезъ тирана злость достигнуть къ отомщенью
И пресмыкаяся толь мерзко, какъ змія,
Не скрою ненависть мою цвѣтами я.
Тобой лишаяся Рамиды, смертно стражду;
Я врагъ тебѣ, и кровь твою пролить я жажду;

Но насъ отечество его сласти зоветъ —
 И вотъ, Пренестъ, теперь единый мой предметъ!
 Одинъ тиранъ мое отмщенье привлекаетъ,
 Мою напасть — напасть народа помрачаетъ.
 Но послѣ, какъ здѣсь тронъ — свободы нашей страхъ —
 Низверженъ, сокрушенъ, преобратится въ прахъ,
 Когда отрадныя лучъ вольности проглянетъ,
 Тогда Вигоръ тебѣ твоимъ врагомъ предстанетъ
 И жить кому изъ насъ — оружіе рѣшить! (Уходитъ).

Пренестъ.

Стремленье грозно толь меня не устрашить.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РУРИКЪ, ИЗВЕДЪ.

Изведъ.

Злодѣйски умыслы ужъ всѣ теперь открыты
 И видны вокругъ тебя всѣ пропасти изрыты.
 Хоть гордый сей Пренестъ изъ градскихъ стѣнъ исчезъ
 И таинство съ собой злодѣйствія унесъ;
 Но мной уловлены здѣсь воины Вадима.
 Толпа злодѣевъ сихъ, подъ стражею хранима,
 Призналася во всемъ, открыла лютый ножъ,
 Который ненависть готовила вельможъ
 На грудь спасителя сего мятежна града.
 Исполненныхъ къ тебѣ свирѣпѣйшаго яда
 Я знаю имена...

Руринъ.

Я знать ихъ не хочу!
 Не зря измѣнниковъ, измѣну отвращу.
 Что нужды вѣдать мнѣ, кто гнусенъ предо мною.
 Которою ихъ спасъ — спасусь я той рукою;
 Какъ началъ, шествуя всегда путемъ прямымъ,
 Народу покажу — кто я, и кто Вадимъ!

Знать всѣхъ предателей, то робости признаки.
 Да скроютъ подлость ихъ забвенья вѣчны мраки;
 Презрѣнны мной, во мглѣ прѣступка своего,
 Неудостоенны и гнѣва моего,
 Незримы въ гордости, котору воспріали,
 Да упадутъ во прахъ, отколь главу подъяли!
 Коль боги поразятъ Вадима сей рукой,
 Исчезнутъ всѣ, сихъ странъ смущающи покои!...
 Поди и уготовь моихъ Варяговъ къ брани;
 Пойдемъ, подъ сѣнію боговъ безсмертной длани,
 Не тронь мой—истину святую защищать....
 О вы, могущіе всечасно проникать
 Сквозъ завѣсу притворствъ сердецъ въ изгибы темны,
 О вы, которыми и пропасти подземны
 Толь ясно видимы какъ свѣтлы небеса;
 На духъ мой обратя вы ваши очеса,
 Узрите, боги, какъ я сердце разрываю,
 Что кровь гражданъ пролить по долгу приступаю. (Къ Изведу)
 Свободу воинамъ Вадима возврати;
 Моей щедротою за злобу заплати;
 Чтобы представъ предъ нимъ, явили то герою,
 Что дружбы я его, не злости гнусной стою;
 Но не страшась его, стремлюся отразить
 Ударъ, которымъ мнѣ дерзаетъ онъ грозить.

Изведъ.

Щедрота ко врагамъ ихъ гордость воздымаетъ;
 Великодушіе намъ бѣдственно бываетъ
 И стоитъ-ли Вадимъ почтенья твоего?

Рурикъ.

Когда не стоитъ онъ, достоинъ я того.
 Новгородцамъ, въ гордости своей жестокосердымъ,
 Симъ вредной вольности защитникамъ толь твердымъ,
 Могу я показать примѣромъ чувствъ моихъ,
 Что добродѣтель есть стократно превыше ихъ.
 Поди и кротости моей исполни волю.
 Я правъ—и небесамъ мою вручаю долю!

ЯВЛЕНІЕ П.

Рурикъ (одинъ).

Надъ пропастями здѣсь мой тронъ постановлень;
 За благи мои я злобой окружень,
 И сердце горестью мое всечасно сжато.
 Се участи владыкъ, свой долгъ хранящихъ свято:
 Всечасно мучаса, отрады не видать.
 Не стоють смертныя, чтобъ ими обладать;
 Благотворителямъ содѣтели мученья —
 Не стоють никогда они благотворенья!...
 Стыдися мысли сей, возвышенный на тронъ!
 Когда властители въ сіяніи коронъ
 Величія боговъ подобіе неложно,
 Сравнятся должно имъ и духомъ непреложно.
 Хоть слабы смертныя погружены въ порокъ,
 Хоть сами тяготя въ безуміи свой рокъ,
 Неблагодарностью громъ неба привлекають,
 Но боги солнечнымъ лучемъ на нихъ блистають;
 Въ дарахъ природы всей вселенной ставя пиръ,
 На злобу не смотря, лютя щедроты въ міръ.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

РУРИКЪ, РАМИДА.

Рамида.

Встревоженъ городъ весь — я паче всѣхъ смущенна!
 Хладѣеть кровь во мнѣ, вся къ сердцу обращенна.
 Тѣснитса грудь моя и мерзнеть солнца свѣтъ.
 Воставшу бурю зрю, пристанища мнѣ нѣтъ...
 Ужъ къ сердцу твоему не смѣю обратиться;
 Рамида бѣдная ужъ тѣмъ не можетъ льститься;
 Уже трепещуща предъ взоромъ я твоимъ,
 Я какъ преступница предъ судіей моимъ...
 Но боги зрятъ...

Рурикъ.

Почто такое дерзновенье?

Страшиса безсмертныхъ звать на клятвопреступленье!
 Или ты искренность стремяся мнѣ явить,
 Въ прерванну сѣть меня вновь хочешь уловить?

Не мысли, чтобы я, подобно какъ и прежде,
 Униженъ, ослѣвленъ, въ постыдной мнѣ надеждѣ,
 Притворства всѣ твои во сердце воспрималъ,
 Которыми твой духъ такъ люто мной игралъ;
 И продолжая млѣть предъ взорами твоими,
 Злодѣю моему былъ жертвованъ я ими.
 Открылось все теперь — и тѣ прошли часы,
 Въ которые твои невѣрныя красы
 Плѣненный духъ тобой всечасно наполняли,
 И мнѣ въ тебѣ одной все счастье являли.
 Не льстися болѣ тѣмъ и въ гордости твоей
 Не ожидай, чтобы горчайшихъ слезъ ручей
 У ногъ твоихъ ля, страны сея властитель
 Былъ милостей любви презрѣннѣйшій проситель;
 Или чтобъ ревностью я въ ярость приведенъ,
 То сердце-бъ отнималъ, которымъ я презрѣнъ...
 Укоры, жалобы и нѣжны изступленья,
 Восторги, ревности, сердечны изъясненья,
 Тѣ стоны горести, порывы гнѣва тѣ,
 Которы лестны такъ надменной красотѣ,
 Суть сердца моего чувствительнаго ниже.
 Вѣрь, чтобы ни терпѣлъ, но я стократно ближе
 Умереть, какъ слабостямъ моимъ свободу дать —
 Презрѣвшую меня симъ средствомъ привлекать.
 Чего-бъ ни стоило, но сердце ужъ рѣшилось
 Невѣрную забыть — и все теперь свершилось;
 Свершилось все; уже твоей избавленъ лести,
 Превыше мукъ любви, превыше низкой мести,
 Себя умѣю я толико почитать,
 Чтобъ сердце одолѣвъ, его иной отдать.
 Иная моя любви познаетъ цѣну;
 Иная за твою заплатитъ мнѣ измѣну;
 Иныя прелести твои красы затмятъ
 И тщетной жаръ къ тебѣ изъ сердца истребятъ.
 Будь счастлива ты тѣмъ, къѣмъ пламенно пылаешь,
 Иною счастливъ я... Ты слезы проливаешь,
 Рамида!

Рамида.

Ты, судьба, лишивъ меня всего,
 Къ усугубленію свирѣбства твоего
 Мою невинность тѣмой порока помрачила

И утѣшенія послѣдняго лишила:
 Когда для Рурика воспрещено мнѣ жить,
 Во гробѣ Рурикомъ оплаканною быть!

Рурикъ.

Ты плачешь и умереть, Рамида, ты желаешь;
 А сердце ты свое такъ люто отгораешь
 Отъ сердца моего, живущаго тобой.
 Коль слезы искренность лить передо мной —
 Оставь, Рамида, я не долженъ сомнѣваться,
 Не можешь лестію ты гнусной унижаться —
 Оставь мнѣ, если тѣмъ тебя я оскорблялъ,
 Что хладность горькую мой духъ тебѣ являлъ.
 Оставь! я самъ себя въ досадѣ ослѣпляя,
 Быть чаялъ исцѣленъ, смерть въ сердцѣ заключая.
 Не вѣрь, не вѣрь словамъ отчаянной любви
 И токи изъ очей лиющія прерви.
 Кто? Я? Чтобъ я престалъ тебя любить, Рамида?
 Лишится твоего возлюбленнаго вида
 Иль свѣта солнечна не зрѣть мнѣ, то равно;
 Мнѣ сердце для тебя единой лишь дано.
 Мой пламень никогда, ничѣмъ не истребится.
 Коль любишь ты меня, пусть твой отецъ стремится
 Внесенный на меня низринуть свой ударъ;
 Ко дщери я его храня во сердцѣ жаръ,
 Несправедливости его опровергая,
 Умру иль побѣжду, Рамиду обожая.

Рамида.

О клятвы страшныя, которыхъ я раба!
 О долгъ, о лютый долгъ! о грозная судьба!
 Лишена всякой я надежды и отрады,
 Неодолимыя межъ нами суть преграды!

Рурикъ.

Преграды?....

Рамида.

Если мой отецъ падеть тобой
 (Великихъ чувство душъ ты вѣдаешь, герой!),
 Дочь сверженна врага могу-ли быть твоею?
 И если слабостью оплаканный моею,

Изгнанный ты изъ сихъ печалью полныхъ стѣгъ
 Препудешь отъ меня на вѣки удаленъ,
 Могу-ли быть твоей? Назначенна цѣною
 Иному...

Рурикъ.

Ежели неправедной судьбою
 Определенно мнѣ на полѣ брани пасть,
 Паду — но мертвъ, и вся моя свершится часть.
 Когда-жъ побѣду мнѣ дадутъ безсмертны боги,
 Иль чувства отца, несправедливо строги,
 Во сердце воспріявъ и духъ преобразя,
 За всю любовь мою мнѣ томну грудь разя,
 Возможешь слѣпо ты ему повиноваться?

Рамида.

О томъ ты можешь-ли хоть мало сомнѣваться?
 Привыкнувъ власть отца священной почитать,
 Мой долгъ, исполнивъ все, въ молчаніи страдать
 И пренося мое безъ ропота мученье,
 Въ несчастіи ему содѣлать утѣшенье.
 Разстаться мнѣ съ тобой, пусть жизни стоитъ то,
 Но—даръ отца — предъ нимъ мнѣ жизнь моя ничто!
 Глубоко заключа мою я въ сердцѣ муку
 Иному я отдамъ трепещущую руку
 И совершу отцемъ желанный, лютый бракъ.

Рурикъ.

И се любви твоей ко мнѣ неложный знакъ!
 Не чувствовала ты любви ко мнѣ ни мало.
 Притворства твоего то было покрывало,
 Чѣмъ нѣжну страсть мою мрачила ты въ сей часъ,
 Тѣ стоны, слезы тѣ твоихъ коварныхъ глазъ,
 Завѣса лишь одна твоей къ иному страсти,
 Къ Пренесту гордому, моей злодѣю власти.

Рамида.

Могла-бъ я низкія сомнѣнія презрѣвъ
 И сей — котораго превыше я — твой гнѣвъ,
 Въ молчаньи удалясь, безъ ропота, спокойно,
 Пренебреженіемъ отвѣтствовать достойно;

Но время дорого: познай, что средство есть,
 Коль любишь ты меня, прервать Вадима мечь
 И дружбы узломъ съ нимъ навѣкъ соединиться.
 Мы счастливы, когда ты можешь согласиться.

Рурикъ.

Коль должно, я всю кровь мою пролить готовъ.

Раида.

Герой, спаситель нашъ — не выше-ль ты вѣнцовъ,
 Чѣмъ украшаются цари обыкновенны
 И кои истиннымъ героямъ суть презрѣнны?...
 Гражданка, приучась я равенство любить,
 Обманываюсь симъ чувствомъ, можетъ быть,
 Что властолюбіе величію безчестно
 И что съ мучительствомъ однимъ оно совмѣстно.
 Не вѣрю, чтобъ твой духъ быть могъ властолюбивъ,
 Остави ту мечту, чѣмъ, гордость оскорбивъ,
 Ты злобу на себя отвсюду привлекаешь
 И чѣмъ себя на вѣкъ съ Раидой разлучаешь.
 Зря цѣну всю себѣ во сердцѣ лишь твоемъ,
 Не въ бранныхъ пышностяхъ, довольствуйся ты тѣмъ,
 Что ты достоинъ быть на небесахъ съ богами;
 Всѣмъ равный гражданинъ попри вѣнецъ ногами
 И бурей окруженъ разруши сей престоль,
 Жилище горестей и бездну страшныхъ золь.

Рурикъ.

То поздно!... Знаешь ты, какъ тронъ уваженъ мною?
 Ты помнишь, какъ сей градъ, прельщенный тишиною
 По грозныхъ буряхъ, я которы укротилъ,
 За счастье свое престоломъ мнѣ платилъ;
 Отвергъ я власть тогда и могъ отвергнуть съ славой.
 Велико пренебречь величіе съ державой!
 Но послѣ, какъ народъ съ стонашемъ, съ токомъ слезъ,
 Моленія свои къ ногамъ моимъ принесъ,
 Страшась опять нести мной сверженную тягость,
 Принудилъ въ долгъ мою преобратиться благость.
 Какъ счастья общаго залогомъ мой вѣнецъ
 И стала власть моя отрадою сердець,
 Сколь гнусно, зря мечи противъ меня мятежны,

Низвергнуть все опять въ напасти неизбѣжны.
 Коль прежде честь снискалъ, отрекшись власти я,
 Унизился-бъ теперь, я право отдал,
 Въ сердцахъ твоихъ гражданъ начертанно любовью;
 Я долженъ защитить его моею кровью!
 Владѣя, какъ отецъ, я долженъ жизнь презрѣть;
 Достойнѣй я иныхъ на тронѣ умереть.
 Не привлекай меня ты къ низостямъ толикимъ!
 Чтобы мнѣ другомъ быть съ отцомъ твоимъ великимъ
 Не подлость — средство! нѣтъ! — Рамида, ты сама,
 Когда-бъ исчезла тѣмъ напастей нашихъ тѣма,
 Предъ свѣтомъ-бы меня увидя постыженна,
 Любя достойнаго, презрѣла-бъ униженна.
 На лаврахъ взрослая, героя славна дщерь,
 Межъ чести и любви будь судія теперь!

Рамида.

Я чувствую твой долгъ, какъ горько ни стою!
 Я плача, не тебя, но рокъ мой обвиняю!
 Могу-ль порочить то, что честь твою храня,
 Ты славѣ жертвуешь несчастную меня.
 Виновна въ томъ моей судьбины непреложность!
 Почувствуй-же и ты мою священну должность,
 И, чести слѣдуя, не воспрещай мнѣ въ томъ!
 Любя меня, отцу ты долженъ быть врагомъ,
 И я тебя любя, какъ въ горести ни млѣю,
 Чтя честь равно тебѣ, не буду я твоею.
 Жаръ нѣжный во вражду стараясь премѣнить,
 Хотя не возмогу я сердца покорить,
 Но должности моей могу повиноваться,
 Тебя лишась, всякъ часъ съ душою разставаться.

Рурикъ.

О грозная судьба!

Рамида.

О часть, смертельна часть!

Рурикъ.

Въ сей день предвидѣлъ-ли толь лютую напасть,
 Отъ сердца твоего я счастья ожидая?...

Рамида.

На сердцѣ я твою надежду утверждая,
Заслужою къ обществу твоей себя маня,
Могла-ль я предузнать, что лютой рокъ меня
Близъ края счастья низвергнетъ смерти въ бездны!

Рурикъ.

Погибло все для насъ!

Рамида.

О стоны бесполезны!

ЯВЛЕНІЕ IV.

РУРИКЪ, РАМИДА, ИЗВЕДЪ.

Изведъ.

Слѣши, о государь! ужъ съ воинствомъ Вадимъ,
Быть чая въ гордости своей непобѣдимъ,
Поля у здѣшнихъ стѣнъ въ сей часъ обременяетъ.

Рурикъ.

Иду, куда меня долгъ лютой призываетъ! (Къ Раמידѣ)
Иду, лишась тебя, тебя достойнымъ быть;
То помня — что монархъ, любовника забыть
И, обществу моею пожертвовавъ отрадой,
Мученье вѣчное иль смерть принять наградой!
Коль чести на пути суждѣнъ я мертвъ упасть,
Вспомнивъ-бы мою къ тебѣ толь нѣжну страсть,
Въ награду мнѣ за то, узрѣвъ меня во гробѣ,
Содѣлавши конецъ отца жестокой злобѣ,
Слезами ты мой гробъ драгими удостой
И стономъ тѣнь мою печальну успокой.

Рамида.

Свершивъ къ отцу мой я должности жестоки,
Не слезы по тебѣ пролью, но крови токи!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Рамида (одна).

Ужъ люта брань кипитъ и кровь течетъ рѣкой!
 И Руригъ и Вадимъ убійственной рукою
 Другъ въ другѣ жизнь мою въ сей часъ отнять стремятся.
 На то-ль герои вы, чтобъ только истребляться?...
 О какъ несчастна я! любовникъ и отецъ!
 Дражайши имена для счастливыхъ сердець,
 А мнѣ, а мнѣ и вы источники страданій!...
 Въ пучинѣ горестей, смятеній, колебаній,
 Мой духъ трепещущій, обоихъ васъ любя,
 Въ сей часъ желалъ-бы самъ избѣгнуть отъ себя...
 Я въ горести отъ всѣхъ оставлена, забыта,
 И ты, Селена, ты отъ глазъ моихъ сокрыта,
 Не придешь смертну грусть со мною раздѣлить,
 И дружествомъ тоску смертельную утолить!...
 Увы! въ сей страшный часъ сама себѣ я въ тягость...
 Могу-ли умолить, безсмертны, вашу благодать,
 Могу-ли къ жалости васъ, боги, преклонить,
 Чтобъ жизнь мою прервавъ, то время упредить,
 Когда поражена я брани окончаньемъ,
 Или прогнѣваю отца моимъ стenanьемъ
 Иль въ лаврахъ Рурига со ужасомъ узрю!
 Когда противнымъ вамъ я пламенемъ горю,
 Разите, боги, грудь несчастіемъ порочну,
 Исторгните съ душой сію любовь безпрочну...
 Но звукъ пронзаетъ слухъ!... Свершилось все!... О страхъ!...
 Колеблется земля и меркнетъ свѣтъ въ глазахъ!...

ЯВЛЕНІЕ II.

ВАДИМЪ (обезоруженный, съ толпою плѣнниковъ, въ провожаніи стражи
 изъ Руриковыхъ воиновъ), **РАМИДА**.

Рамида.

Тебя-ли вижу я, возлюбленный родитель?

Вадимъ.

Увѣль мой лавръ, увѣ, и Рурикъ побѣдитель!
 О стыдъ! низверженъ я въ оковы наконецъ...
 Невольникъ Руриковъ — Рамидъ не отецъ!
 Поди, не умножай моей тоски ужасной!...
 О солнце! помрачи твой лучъ инымъ прекрасный,
 А ненавистный мнѣ и злѣйшій вѣчной тьмы!
 Свершилось все теперь, рабами стали мы!...
 Рабами?... Нѣтъ! Вадимъ превыше сей напасти!
 Вселенну, боги, вы врата по вашей власти,
 Возможете весь міръ тиранамъ предавать
 И счастью и себя слѣпому подвергать,
 Злодѣямъ счастливымъ пусть все порабощенно,
 Но сердце изъ того Вадима исключенно.
 Не можете души моей поколебать
 И, громомъ оружась, властителя мнѣ дать...
 Чего я жду?... О дочь, несчастна и любезна!
 Когда отечеству жизнь наша бесполезна,
 Ставь праздными его свидѣтелями оковъ,
 Намъ ползать-ли въ толпѣ тирановыхъ рабовъ?...
 Ты плачешь, горестью моею поражена?
 Не плачь! утѣха есть несчастнымъ откровенна!
 Она для робкихъ душъ ужасна и горька,
 Великодушію пріятна и сладка:
 Не быть, престать сей свѣтъ—тирановъ жертву—видѣть;
 Смерть благо, ежели жизнь должно ненавидѣть!
 Умремъ, уклонимся отъ подлости и злобъ,
 Въ одно несчастливимъ убѣжище — во гробъ!
 Умремъ!... Но что? О рокъ!... Я жизни ненавижу,
 А средства и умереть несчастный я не вижу.
 Съ мечемъ послѣдней сей надежды я лишень! (Къ Рамидъ)
 О ты, въ которой духъ мой долженъ быть внѣшней,
 О дочь отечества, упавшаго со мною!
 Когда потченъ равно въ несчастьи я тобою,
 Коль въ узахъ я тебѣ, какъ въ лаврахъ былъ, отецъ —
 Содѣлай бѣдствіямъ ты нашимъ всѣмъ конецъ,
 Желанной смерти мнѣ орудіе достави;
 И отъ позора жить себя со мной избави!
 Лети на крыльяхъ и ускори принести,
 Чѣмъ должно въ сей же часъ избавить нашу честь

Отъ зрѣнья лютаго врага побѣдоносна!...
 Тrepещешь!... Жизньъ твоя тебѣ безъ чести сносна?
 Я чувствую, что дочь отъземлетъ у меня!
 Злодѣйствуешь отцу, еще твой жаръ храня!...
 Се робости твоей прегнусная причина!
 Се лютой участи Вадимовой вершина!...
 О вы! за общество навѣкъ закрывши взоръ,
 Сколь счастливейъ меня вы днесъ, Пренесъ, Вигоръ!
 Неувядаемымъ покрыты лавромъ оба,
 Вы славы на поляхъ сошли во мрави гроба!
 Еще отечество дышало въ оный часъ;
 Надежда сладкая сопровождала васъ;
 А я — игралище меня гоняща рока,
 И жертва низкая Рамидина порока,
 Я долженъ горести несмѣтныя вкусить...

Рамиди.

Не можетъ болѣе несчастна дочь сносить
 Сихъ молній изъ твоихъ мнѣ столько грозныхъ взоровъ,
 Сихъ смертныхъ для меня неправедныхъ уворовъ!
 Коль должно свергнуть мнѣ сей жизни тяготы,
 Спокойся, государь, доволенъ будешь ты!
 Мнѣ жизньъ моя ничто, когда ея лишенье,
 Тебѣ, родитель мой, быть можетъ утѣшенье.
 Клянусь у ногъ твоихъ, кланусь въ сей лютой часъ,
 Что я тебя уже въ послѣдній вижу разъ
 И что въ послѣднее, мои являя муки,
 Слезами горькими твои кроплю я руки.
 Блаженна, коль мою проливъ несчастну кровь,
 На гробъ мой возвращу родительску любовь
 И стоны привлеку жалѣнія сердечна!
 Но ты не ожидай, чтобъ, дочь безчеловѣчна,
 Съ отчаяньемъ твоимъ согласна я была
 И къ смерти-бы отцу я средство подала;
 Чтобъ ставъ участницей отцеубійству люта,
 Кляла сама себя въ послѣдню я минуту.
 Прости, родитель мой, въ послѣдній разъ прости! (Хочетъ идти).

Вадимъ.

Не оставляй меня ты гнусну жизньъ нести!
 Минута важная, мигъ важный мнѣ позоры!

Куда ни обращаю мои смятены взоры,
 Къ мученью моему все мой являетъ стыдъ.
 Мнѣ кажется все здѣсь, пріавъ унылый видъ,
 Свободы требуетъ, утраченныя мною!
 Вздохъ каждый мой моею быть кажется виною!
 Сей воздухъ—тѣмъ дышу, земля—гдѣ я стою
 И стѣны вопіють, кляня днесъ жизнь мою:
 Ужъ нѣтъ отечества, а ты на свѣтъ зриаешь;
 Не могъ его спасти, а ты не умираешь!...
 О мысль смертельная, грызуща сердце мнѣ,
 Подобна яростной въ часъ бурныхъ грозъ волгѣ,
 Опровергающа мой духъ, толь прежде твердый:
 Се скоро придетъ къ намъ сей Рурикъ милосердый,
 И въ благость лютую преобратя свой громъ,
 Мнѣ сердце разорветъ прощенія стыдомъ!
 О крайность страшная! о бездна посрамленья!
 Не дай дожить мнѣ толь несноснаго видѣнья...
 Все поздно!... Се мой врагъ!... Развервися земля
 И въ пропастьхъ закрой несчастнаго меня!

ЯВЛЕНІЕ III.

РУРИКЪ (за нимъ вельможи, воины, народъ), **ВАДИМЪ**, **РАМИДА**,
ИЗВЕДЪ.

Рурикъ (Вадиму).

Хоть былъ я принужденъ съ тобой, Вадимъ, сражаться,
 Побѣдой не могу моею наслаждаться,
 Когда она въ тебѣ питаетъ ту вражду,
 Которой отъ твоихъ я чувствъ себѣ не жду.

Вадимъ.

Что право подаетъ тебѣ надеждой льститъся,
 Когда ты побѣдилъ, со мною примириться?
 Не сей-ли на главѣ блистающій вѣнецъ,
 Сие гнушеніе свободныхъ вѣхъ сердцець?
 Хоть иго днесъ твое побѣдой оправданно,
 Презрѣнно право мной, одною силой данно.
 Побѣда можетъ-ли вѣнца закрасить зло?
 Желалъ-бы я, когда-бъ событься то могло,
 Чтобъ счастиемъ въ числѣ безсмертныхъ помѣщенный,
 Хотѣлъ мнѣ другомъ быть ты громомъ оруженый;

Я-бъ съ радостью тебя возмогъ на небѣ зрѣть,
Чтобъ съ силою твоей тебя и тамъ презрѣть!

Рурикъ.

Сей тщетной гордости безплодное паренье
Достойно, можетъ быть, привлечь къ себѣ презрѣнье,
Но чту въ несчастіи Рамидиа отца,
Въ сей день отечеству кровавыхъ бѣдъ творца.

Вадимъ (къ народу).

Для возвращенья вамъ потерянной свободы,
Почто не могъ пролить всю кровь мою, народы!

Рурикъ.

Вельможи, войны, граждане, весь народъ!
Свободы вашей какой былъ прежде плодъ?
Смятеніе, грабежь, убійство и насилье,
Лишеніе всѣхъ благъ и въ бѣдствахъ изобиліе!
И каждый здѣсь, когда лишь только силенъ онъ,
Одно закономъ чтлѣ, чтобы свергать законъ;
Мечемъ и пламенемъ раздора вооруженный,
Ко власти текъ въ крови гражданей погруженный.
Священны узлы всѣ вашъ рушилъ смутный градъ.
Сыны противъ отцовъ, отцы противу чадъ,
Тиранамъ чтобъ служить, простерши люты длани,
Отцеубійствію искали гнусной дани.
Граждане видѣли другъ въ другѣ лишь враговъ,
Забыли честность всѣ, забыли и боговъ.
Прибытокъ здѣсь одинъ былъ всѣхъ сердець владѣтель;
Сребро — единый богъ, а алчность — добродѣтель...

Вадимъ.

На мѣсто вольности небесной красоты,
Ты, своеволия являя намъ черты.....

Рурикъ.

Дай кончить мнѣ все то, что я сказать желаю.
Межъ нами судіей народъ я поставляю.
Хотя побѣда днесъ подвергла мнѣ тебя.....

Вадимъ.

Подвергла?... Можешь-ли, разсудокъ погубя,

Вообразать себѣ, о ты, рабовъ властитель!
Что ты Вадимова и духа побѣдитель?

Рурикъ.

Я правы счастья умѣя позабыть,
Принужу истиной тебя мнѣ другомъ быть.

Вадимъ.

Мнѣ другомъ? Ты? Въ вѣнцѣ? Престани тѣмъ плѣняться!
Скорѣе небеса со адомъ соединятся!...

Рурикъ.

Желалъ-ли я вѣнца, ты вѣдаешь то самъ.
Я несъ не для себя спасенье симъ странамъ:
Народомъ призванный, закрывъ его я бездну,
Доволенъ тѣмъ, что часть окончилъ вашу слезну,
Благотвореніе хотѣлъ-ли я продать
И цѣну дѣлъ моихъ мздой трона унижать?
Искалъ-ли власти я, отъ коей отрицался?
И можетъ-ли то быть, чтобъ скиптромъ я прельщался?
Иль славы придалъ мнѣ тронъ пышностью своей?
Кто спасъ народъ отъ бѣды—превыше тотъ царей,
Въ утѣхахъ дремлющихъ подъ сѣнію короны!
Но согражданъ твоихъ тогда плачевны стоны
Мой духъ принудили—ихъ счастья не лишить.
Начавъ благотворить, былъ долженъ довершить.
Отверженную мной я принялъ здѣсь корону,
Чтобъ вашему для васъ покорствоватъ закону.
Я чѣмъ мрачу мой тронъ? Гдѣ первый судія?
Вы вольны, счастливы; стонаю только я!
Который гражданинъ, хранящій добродѣтель,
Возможесть уверить, что былъ я зла содѣтель?
Единой правды чтя священнѣйшій уставъ,
Я отнял-ли хотя черту отъ вашихъ правъ?
И если иногда отъ строгости закона
Изъ устъ несчастливыхъ я слышалъ жалость стона,
Чего я правдою стонающихъ лишалъ,
За то — щедротою моею утѣщалъ.
Скажите: истину-ль, граждане, я вѣщаю?
Въ свидѣтели и васъ я, боги, призываю!
Вы знаете, что я, имѣя вашу власть,

Страшился слабостей подь бременемъ упасть;
 И прихоть гордости я долгомъ удручая,
 Несъ иго скипетра, себя не примѣчая.
 Я помнилъ завсегда, что есть на небесахъ
 Судьи гремящіе земныхъ владыкъ въ сердцахъ,
 Которые царя колебли на престолѣ,
 Всечасно вопіють его всевластной волѣ:
 „Намъ каждая слеза текущая видна,
 „Котора пышностью твоей допущена;
 „Мы слышимъ каждый стонъ, невнемлемый тобою,
 „Изъ слабаго влекомъ насильственной рукою;
 „Мы каплю каждую пролитой крови зримъ—
 „Вострепещи со всѣмъ сіяніемъ твоимъ!
 „Не оправдай себя, великъ обремененъемъ,
 „Необходимостью—тирановъ извиненъемъ“.
 Вѣщай, народъ, моею державою хранимъ,
 Гнѣвилъ-ли я боговъ правленіемъ моимъ? (Къ Вадиму)
 Но ты не помышляй, что власти вышней жаденъ,
 На то являю я мой скипетръ толь отраденъ,
 Чтобъ склонить народъ, мной счастливъ въ сей странѣ,
 Изъ милости вѣнецъ еще оставить мнѣ
 И чтобъ гордости, не славѣ я покоренъ,
 Противу воли всѣхъ одинъ владѣть упоренъ,
 Хотѣлъ я удержать правленія бразды,
 Ища насиліемъ моею заслугѣ мзды.
 Когда-жъ противъ тебя подвигся я ко брани,
 Не властолюбію платилъ, но чести дани:
 Я долженъ былъ мою и славу поддержать,
 И общества ко мнѣ почтенъе оправдать;
 Я долженъ былъ, мою желая власть оставить,
 И тѣню робости себя не обезславить,
 И съ трона нисходя—иль прямо въ гробъ вступить,
 Иль жало клеветѣ побѣдой притушить. (Къ народу, снимая вѣнецъ)
 Теперь я вашъ залогъ обратно вамъ вручаю;
 Какъ принималъ я его, столь чистъ и возвращаю.
 Вы можете вѣнецъ въ ничто преобразить,
 Иль онъ на главу Вадима возложить.

Вадимъ.

Вадима на главу! Сколь рабства ужасаюсь,
 Толико я его орудіемъ гнушаюсь!

Изводъ (Рурику, указывая народъ, ставшій передъ Рурикомъ на колѣна, для умошенія его владѣть надъ нимъ).

Увиди, государь, у ногъ твоихъ весь градъ!
Отецъ народа! зри твоихъ моленъе чадъ;
Оставь намъренья, ихъ счастію претящи!

Вадимъ.

О гнусныя рабы, своихъ оковъ просящи!
О стыдъ! Весь духъ гражданъ отселѣ истребленъ!
Вадимъ! Се общество, котораго ты членъ!

Рурикъ.

Коль власть монаршу чтишь достойной наказанья,
Въ сердцахъ гражданъ мои увиди оправданья;
И что можешь ты противъ сего сказать?

Вадимъ.

Вели отдать мнѣ мечъ и буду отвѣчать!
(Рурикъ подаетъ знакъ, чтобъ Вадиму отдали мечъ).

Раида (въ сторону).

Се мой послѣдній часъ и все теперь свершится!

Вадимъ (къ принесшему мечъ).

Подай!... (Къ Рурику)

Теперь Вадимъ съ тобою примирится.

Се способъ лишь одинъ, чтобъ другомъ быть твоимъ.

Рурикъ.

Будь болѣ и отцемъ содѣлайся моимъ.
Въ великой ты душѣ почувствуй гласъ природы.
Иль тотъ, кого твои толико чтутъ народы,
Кто ихъ отецъ, твоимъ не стоитъ сыномъ быть?
Чтобъ гнѣвъъ несправедный твой вовсе истребить—
Коль мало счастія отечества любезна,
Котораго моею рукою закрыта бездна;
Коль мало и самихъ мнѣ щедрыхъ толь небесъ—
Стенящей дочери воззри на токи слезъ,
Которы горестна моею душѣ отравя;
Въ ея ты сердцѣ зри мои священны права,
Чтобъ ею ты себя со мной соединилъ.

Вадимъ.

Все кончилось теперь, коль мечь ты возвратилъ.
 О небо! болѣ сей не требую награды! (Къ Рюрику)
 Межь нами рушатся всѣ страшныя преграды:
 Доволенъ будешь ты, народъ, и дочь, и я!

Рурикъ.

О небо! чѣмъ воздамъ щедротѣ твоея?
 О часъ, блаженный часъ, нечаянна премѣна! (Къ Вадиму)
 Позволь и дочери и мнѣ объять колѣна
 Героя и отца. (Къ Рамида). Ты слезъ лѣшь потокъ,
 Когда престалъ быть намъ родитель твой жестокъ!
 О, ты награда мнѣ одна за добродѣтель,
 Въ которой мнѣ любовь гражданъ твоихъ свидѣтель,
 Душа души моей! какой ужасный мракъ
 Дражайшихъ прелестей затмилъ прекрасный зракъ?

Вадимъ (въ сторону).

Я болѣ не могу сносить толь гнусна вида!...
 Внемли ты, Рурикъ, мнѣ, народъ и ты Рамида. (Къ Рюрику)
 Я вижу, власть твоя угодна небесамъ.
 Иное чувство ты гражданей далъ сердцамаъ.
 Все пало предъ тобой; миръ любить пресмыкаться;
 Но міромъ таковымъ могу-ли я прельщаться? (Къ народу)
 Ты хочешь рабствовать, подъ скипетромъ попрагъ!
 Нѣтъ болѣ у меня отечества, гражданъ! (Къ Рамида)
 Ты предана любви и сердцемъ и душою.
 Итакъ, и дочери я болѣ не имѣю.....

Рамида.

Постой, родитель мой! не довершай сихъ словъ...
 Постой! мой духъ тебя изобличить готовъ,
 Что дочь несчастную напрасно презираешь...
 Я знаю то, что ты въ сей часъ предпринимашь
 И твой великій духъ предъ мною весь открыть,
 Что должно дѣлать мнѣ, мнѣ ясно говорить.
 Исполню я твою ужаснѣйшую волю
 И въ нѣжной младости мою разрушу долю,
 Котора для меня сплеталась изъ цвѣтовъ.
 Когда содѣлалась порочною та любовь,

Для коей жизнию прельщалась я мою,
Смотри—достойна-ль я быть дочерью твоею? (Заколяется).

Рурикъ.

О изступленіе, погибельное мнѣ!

Вадингъ.

О радость! Все, что я, исчезнетъ въ сей странѣ!
О дочь возлюбленна! Кровь истинно геройска! (Есть Рурику)
Въ срединѣ твоего побѣдоносна войска,
Въ вѣнцѣ, могущій все у ногъ твоихъ ты зрѣть,
Что ты противъ того, кто смѣетъ умереть? (Заколяется).

Рурикъ.

О рокъ! о грозный рокъ! о праведные боги!
За что хотѣли вы ко мнѣ быть столько строги,
Чтобъ смертію меня Рамиды поразить?
Умѣли въ сердце вы мечъ вѣчный мнѣ вонзить,
Лиша меня всего и счастья и отрады!...
За добродѣтель мнѣ ужъ въ свѣтѣ нѣтъ награды!...
Въ величїи моемъ лишь только тягость мнѣ!
Страдая, жертвой я быть долженъ сей странѣ
И, должности моей стонающій блюститель,
Чтобъ быть невольникомъ, быть долженъ я властитель!...
Я буду, и себя съ пути не совращу,
Гдѣ, вамъ подобенъ ставъ, вамъ, боги, отомщу!

КОНЕЦЪ.